

Константин Ежов

**Деньги не
пахнут 9**

Константин Ежов

Деньги не пахнут 9

«Автор»

2026

Ежов К.

Деньги не пахнут 9 / К. Ежов — «Автор», 2026

Попаданец в самого себя. Сын эмигранта в США. До СССР он не допрыгнул, но пусть будет. К настоящему времени миллиардером долларовым не стал, но рублёвым очень даже. Но вот беда, он умирает, от болезни от которой тупо нет лекарств. Таких больных мало, а расходы на доведение лекарства бешеные, потому даже не берутся разрабатывать. И единственный его шанс, это обмануть систему и заработать 50 млрд долларов чтобы профинансировать разработку лекарства которое его и спасёт и поможет тем немногим бедолагам кому угораздило этим заболеванием заболеть. Но увы, уже не в этой жизни....

© Ежов К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Константин Ежов

Деньги не пахнут 9

Глава 1

В душном помещении оперативного штаба ФБР царил напряжённая тишина, нарушаемая лишь мерным гулом работающих мониторов и тиканьем настенных часов. Десять огромных экранов вдоль стены одновременно транслировали изображение двух мужчин – Гонсалеса и Лау. На экранах мерцали их лица, каждое движение, каждый взгляд фиксировались десятками внимательных глаз оперативников.

Лау с трудом сдержал рвущийся из груди крик, сжал челюсти так, что на щеках заиграли желваки, и произнёс нарочито ровным голосом:

– Мы ведь уже проходили тот тест, о котором вы говорили. Думаю, пора обсудить детали инвестирования.

Гонсалес едва заметно ухмыльнулся – эта ухмылка, словно лезвие бритвы, прорезала его лицо.

– А разве сейчас ситуация не несколько иная?

В комнате повисла тяжёлая, почти осязаемая тишина. Воздух словно сгустился от напряжения, пропитался запахом пота и кофе, который кто-то забыл на столе несколько часов назад.

Это был момент, к которому они шли месяцами. Плоды кропотливой подготовки к спецоперации постепенно созревали, и вот вот должны были упасть в подставленные ладони оперативников.

– Главное – добиться, чтобы Лау добровольно участвовал в преступлении, – произнёс агент ФБР рядом со мной, и его голос дрогнул от напряжения. На виске пульсировала крупная вена, а пальцы нервно сжимали край стола.

– Но важнее результата – сам процесс, – продолжил он, глядя на экраны. – Если мы допустим хоть малейшую ошибку, всё может рухнуть.

– Какую ошибку? – спросил, чувствуя, как в груди нарастает ледяной комок тревоги.

– Ключевой фактор – "умысел". Лау сразу заявит, что его подставили. Но если суд увидит, что мы вынудили человека совершить преступление, у которого изначально не было такого намерения, у него появятся основания избежать преследования.

Суть плана была проста, как удар молота: Гонсалес ни в коем случае не должен принуждать Лау к преступлению. Напротив – нужно заставить Лау самому выразить преступный умысел и действовать по собственной инициативе.

От успеха актёрской игры Гонсалеса зависела судьба всей операции.

И, как ни странно, сейчас чувствовал спокойствие.

"Он справится", – мысленно произнёс как мантру.

Неужели это и есть то самое непоколебимое доверие к ученику? В реальности не так часто занимался подготовкой кадров, но ни один из моих подопечных не обладал такой поразительной способностью убеждать, как Гонсалес.

И сейчас, глядя на него через экраны, вновь восхищался его мастерством. Каждое движение, каждый жест были выверены до миллиметра. Его актёрские способности раскрывались во всей красе.

На мониторе лицо Лау постепенно менялось. В глазах мелькали тени сомнений, губы нервно подрагивали.

– Теперь всё изменилось... – произнёс Гонсалес, и его голос прозвучал как тихий звон колокольчика в ночной тишине.

– Вы стали слишком знамениты, – добавил он, постукивая пальцами по стопке глянцевого журнала, лежащих на столе.

Передовицы пестрели кричащими заголовками об "азиатском Гэтсби". Подозрения, сплетни, намёки – всё это было щедро размазано по страницам, словно краска по холсту безумного художника.

– Если бы вы были на моём месте, разве согласились бы работать с таким партнёром? – спросил Гонсалес, и в его голосе прозвучала едва уловимая нотка презрения.

В любой нормальной компании отказ от инвестиций со стороны "подозрительного Гэтсби" был бы очевиден. Но Лау лишь на мгновение замешкался, а затем резко парировал:

– Разве не вы искали именно такого партнёра, как я?

– Вас? – удивлённо приподнял бровь Гонсалес.

– Вы отказывали множеству инвесторов не потому, что искали просто деньги. Вам нужен был партнёр, способный решать специфические проблемы. И я – именно такой человек.

В этот момент Лау фактически признался, что он – "решальщик". Но одних этих слов было недостаточно, чтобы стать неопровержимым доказательством.

В душной комнате с приглушённым светом мерцали экраны мониторов, отбрасывая бледные блики на стены. За окном, за плотной шторой, едва пробивался рассвет – тусклый, сероватоголубой, словно разведённая водой акварель. Воздух стоял тяжёлый, пропитанный запахом остывшего кофе, пота и едва уловимой ноткой полироли для мебели. Гдето вдали, за закрытыми окнами, глухо гудел городской транспорт, но здесь, в этом замкнутом пространстве, время словно застыло.

Гонсалес неторопливо поправил манжету рубашки – движение плавное, почти ленивое, – и произнёс, чуть приподняв бровь:

– Я ищу решальщика, да. Но это вовсе не значит, что подойдёт любой.

Его губы искривились в едва заметной усмешке, а в глазах мелькнул холодный, расчётливый блеск. Он выдержал паузу, наслаждаясь напряжением, повисевшим в воздухе, и продолжил, растягивая слова:

– Мне нужен человек более искусный. Тот, кто действует незаметно. Не такой решальщик, который размахивает своим присутствием по всему миру, словно... вот этим.

– Это твоя вина! – вырвалось у Лау, и голос его дрогнул от сдерживаемого гнева.

В этот момент он мысленно прокручивал одно и то же: "Если бы не тот проклятый тест на MET Gala, ничего бы этого не случилось! Я никогда раньше не оказывался в центре внимания – ни разу!"

Гонсалес лишь пожал плечами, будто отмахиваясь от назойливой мухи.

– Ну, возможно, я дал тебе возможность... Но в конце концов, разве это не твои собственные действия? Тебе стоило жить тише.

– Так теперь ты говоришь, что во всём виноват я? Я оказался в этой передрыге из-за твоего маленького теста! – голос Лау звучал резко, почти срываясь на крик.

Его глаза говорили громче слов – в них читалось немое требование: "Возьми на себя ответственность".

Гонсалес снова пожал плечами, словно отбрасывая ненужную тяжесть.

– Хорошо, признаю – частично это и моя ответственность. Так как насчёт этого? В следующий раз, когда тебе понадобится решальщик, я буду твоим человеком.

– В следующий раз?.. Ты что, не понимаешь, что сейчас не время для таких безрассудных поступков? Ты едва можешь свободно передвигаться...

– Если, конечно... тебе не нужен я прямо сейчас?

Лау замолчал. Слова застряли в горле, словно колючий ком, который невозможно проглотить. Он чувствовал, как пот стекает по спине, оставляя холодные дорожки под рубашкой.

В ушах стучало: "Он намекает, что ему нужен решальщик прямо сейчас. Но мне нельзя привлекать внимание..."

– Вот видишь? Поэтому и сказал, что позвоню тебе в следующий раз, – наконец произнёс он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Ну... посмотрим. Сначала расскажи, что тебе нужно, а я уже решу, – ответил Гонсалес, и в его тоне прозвучала едва уловимая насмешка.

– Хм... ладно, – Лау сглотнул, чувствуя, как сухость во рту становится почти невыносимой.

Гонсалес продолжил, будто разговаривая сам с собой:

– На самом деле, речь идёт о шахте Сонора. Мы всё обсудили, и убедить ключевых игроков удалось. Но финальное "урегулирование" оказалось камнем преткновения. Конечно, деньги у нас есть... Но такие суммы нужно готовить отдельно, не так ли?

В этих словах таилась ловушка – тонкая, как паутинка, но прочная, как сталь. Это была взятка. Взятка, которую невозможно отследить.

Наша цель была проста: заставить Лау сказать: "Я лично проведу отмывание денег и обеспечу их поставку."

Если бы он был умнее, то сейчас отступил бы – исчез, растворился в утреннем тумане, оставив всё позади. Но также хорошо знал: он не уйдёт.

"Потому что в нём уже работает эффект невозвратных затрат," – подумал спокойно, наблюдая за его лицом.

Люди часто одержимы идеей вернуть свои вложения. Трудно уйти, не возместив основную сумму.

Лау уже вложил немало, лишь чтобы пройти тесты Гонсалеса, и теперь его долги росли, словно снежный ком.

Разумным шагом было бы признать потери и уйти. Но...

Мало кто способен на это.

Чаще люди пытаются отыграться – и в итоге идут на ещё больший риск.

В оперативном штабе ФБР царила напряжённая тишина, нарушаемая лишь тиканьем старинных часов на стене и приглушённым гулом работающих компьютеров. За массивным столом из тёмного дуба сидели агенты, их лица мерцали в отблесках мониторов. Воздух был пропитан запахом кофе, бумаги и едва уловимым металлическим привкусом напряжения.

На главном экране крупным планом – лицо Лау. Его пальцы нервно барабанили по столу, выдавая внутреннюю бурю. В углу кадра мелькнул стакан с водой – на стекле проступили капли конденсата, словно слёзы.

Гонсалес, развалившись в кресле, произнёс с лёгкой усмешкой:

– В общем, мне нужен решальщик, который справится с этой проблемой... Сейчас тебе это не слишком сложно, а? Видишь? Вот о чём и говорю. Хотя бы номер свой оставь – чтобы в следующий раз мог с тобой связаться.

В комнате повисла тяжёлая пауза. Агенты замерли, затаив дыхание. Даже кондиционер, тихо гудевший в углу, будто притих, прислушиваясь к диалогу.

И вот – долгожданный ответ:

– Нет. Справлюсь.

Лау произнёс это твёрдо, и в его глазах мелькнул огонёк решимости. Он сделал выбор. Он согласился участвовать в преступлении.

– Успех! – мысленно воскликнул, чувствуя, как по спине пробежала волна облегчения.

Агенты в штабе обменялись торжествующими взглядами. Ктото едва заметно улыбнулся, ктото кивнул, словно подтверждая: "Этого достаточно".

Но Гонсалес – звезда сегодняшней операции – не выглядел довольным. Вместо того чтобы принять предложение Лау, он неожиданно отступил:

– Сейчас, когда на тебя все смотрят? Да брось, не будем рисковать. Я не хочу влипнуть в твою историю и оказаться за решёткой.

– Я работаю не под своим именем. Меня никак не свяжут с этим, – парировал Лау, и в его голосе прозвучала нотка раздражения.

– Всё равно ты должен понимать мою позицию. Я предпочитаю действовать тихо, а эта ситуация... К тому же есть ещё один человек, который уже предложил помощь.

Гонсалес виртуозно играл на нервах Лау, даже упомянув несуществующего конкурента-решальщика. Невольно задумался: сработает ли такая очевидная уловка?

– Сколько времени им понадобится? – спросил Лау, и в его тоне проскользнула тревога. Удивительно, но это сработало.

– Они сказали, что хватит месяца, – ответил Гонсалес, небрежно пожав плечами.

– Я сделаю за неделю, – резко бросил Лау.

– За неделю? Знаешь, не люблю преувеличений, – с сомнением протянул Гонсалес.

– Это не преувеличение. Для таких дел нужна профессиональная система. У меня – четырёхслойная структура...

Лау начал с гордостью расписывать сеть своих подставных фирм. Его голос оживился, в глазах загорелся азартный огонёк. Он подробно объяснял, как быстро и точно может провести отмывание денег, перечислял свои преимущества.

Каждое слово фиксировалось в реальном времени в штабе ФБР. Мониторы тихо попискивали, записывая диалог, а принтеры на заднем плане едва слышно щёлкали, выводя на бумагу стенограмму.

– Ну и ну... этот парень действительно хорош, – прошептал один из агентов, не отрывая взгляда от экрана.

Как-то тоже не ожидал, что Гонсалес справится настолько блестяще. Пожав плечами, мысленно отметил: "Браво".

Почему Лау так активно включился в игру? Причины лежали на поверхности.

Сеть вокруг него сжималась – слава "Гэтсби" играла против него. Гонсалес казался последним шансом на спасение.

К тому же приманка – потенциальная прибыль от шахты Сонора – выглядела слишком заманчиво.

Добавьте к этому чувство долга, которое якобы испытывал Гонсалес, и уже вложенные средства, которые Лау не хотел потерять.

Но главное – талант Гонсалеса. Его природная способность манипулировать эмоциями людей заставила Лау забыть об осторожности и сыграть по нашему сценарию.

Наконец, после долгой паузы, Гонсалес произнёс:

– С такой системой... Ладно, доверю тебе это дело.

Он передал Лау задачу по передаче взятки. И Лау, как и обещал, отмыл деньги и доставил взятку ровно через неделю.

В штабе ФБР раздался сдержанный гул одобрения. Ктото тихо хлопнул в ладоши, ктото облегчённо выдохнул. За окном, сквозь плотные шторы, пробивался рассвет – бледный, розоватосерый, словно символ нового дня и новой победы.

В ту самую ночь, когда последние отблески заката растворились в чернильной тьме над Вашингтоном, в дело вступил ФБР. Тишину разорвали резкие звуки сирен, мелькнули синие вспышки мигалок, а через мгновение в освещённом окне особняка Лау показались фигуры агентов в тёмных костюмах.

Арест прошёл молниеносно – без криков, без суеты. Только сухой щелчок наручников да приглушённые голоса, доносившиеся сквозь приоткрытую дверь.

На следующее утро мир проснулся от шквала заголовков:

"Скандал MDB: шокирующий след "чёрных денег" от Goldman Saxon к саудовской королевской семье!"

"Малайзия в политическом хаосе: нарастает давление с требованием отставки премьер-министра!"

"Слухи об эмиграции: готовится ли премьерминистр Малайзии к бегству?"

Страна погрузилась в водоворот событий. Улицы заполнились протестующими, телеэкраны пылали гневными репортажами, а в коридорах власти царила атмосфера обречённости.

В прежней хронологии, без вмешательства Сергея Платонова, премьерминистр удерживал власть до 2018 года. Но теперь всё изменилось. Ключевой фигурой стал Лау.

Чтобы смягчить приговор, он начал вытаскивать на свет божий одну за другой мрачные тайны скандала MDB. Его показания, записанные в стерильнобелом зале для допросов, звучали как удар молота:

– Я взял около миллиарда долларов... Считай это комиссией. Всё остальное – политические фонды для премьерминистра.

Эти слова взорвали информационное пространство. Раньше пропавшие 4,5миллиарда долларов из национального фонда считались исключительно аферой Лау. Но правда оказалась куда мрачнее: все финансовые потоки вели в одно место – в канцелярию премьерминистра.

Общественный гнев вспыхнул мгновенно. Митинги у парламента, требования импичмента, крики в соцсетях – некогда всесильный лидер Малайзии стремительно катился в пропасть.

Обычно подобные скандалы в ЮгоВосточной Азии быстро забывались. Но не в этот раз.

Лау, прозванный "азиатским Гэтсби", приковал к себе внимание всего мира. Финансовым преступлениям редко удаётся стать сенсацией – обычно они ассоциируются с нудными бухгалтерскими книгами и бесконечными колонками цифр. Но история Лау стала исключением.

Его методы отмывания денег поражали наглостью и абсурдностью.

"Шокирующий трюк Лау: 3,5миллиарда исчезают изза одной буквы!" – гласил очередной заголовок.

Первая схема оказалась до смешного простой. Лау создал подставную компанию PJST Limited – почти идентичную суверенному фонду АбуДаби PJST. Затем он перевёл деньги, замаскировав транзакцию под перевод реальному фонду. И что самое поразительное – ведущие мировые финансовые институты проглотили эту примитивную уловку. Без малейшей проверки 3,5миллиарда утекли в фальшивую фирму.

Но это было только начало.

"Обманивая сыновней почтительностью" – мировые банки поверили в странную отговорку.

"Это азиатская культура!" – кричали новые заголовки.

Второй трюк оказался ещё более возмутительным. Когда банки начали задавать вопросы о подозрительных переводах, Лау разыграл неожиданную карту – сыновнюю почтительность.

– В Азии принято, чтобы успешный сын жертвовал богатства родителям, а те выражали благодарность, – объяснял он с невозмутимым видом.

И – невероятно – эта отговорка сработала.

Системы борьбы с отмыванием денег Уоллстрит, оснащённые самым современным ПО, пали жертвой "уважения к родителям". Весь мир замер в изумлении перед этой абсурдной реальностью.

А за кулисами событий, в тихом кабинете ФБР, Сергей Платонов листал досье Лау, время от времени поправляя очки. На столе дымилась чашка остывшего кофе, а за окном медленно опускались сумерки, окрашивая небо в багряные тона. История только начиналась.

В кабинете на 42м этаже небоскрёба пахло дорогим деревом и свежесваренным эспрессо. За панорамным окном НьюЙорка пульсировала жизнь: далёкие гудки такси, звон трамвайных колёс, обрывки разговоров, долетавшие сквозь толстое стекло. Наблюдая за всем этим, сидел в кожаном кресле, листая стопку распечаток, и время от времени поправлял манжету – ткань приятно скользила под пальцами.

Моя цель была ясна: раздуть этот скандал до масштабов лесного пожара, а затем использовать его жар в своих интересах. Но это никогда не бывает просто.

Огонь по своей природе своенравен и непредсказуем. Чтобы управлять им, нужны мастерство и хладнокровие. Надо подбрасывать дрова, чтобы искра не угасла, подливать масла, когда требуется больше жара, и аккуратно направлять пламя, чтобы оно не перекинулось туда, куда не следует.

Потому внимательно следил за ситуацией. "Горит неплохо", – мысленно отметил для себя, просматривая новостные ленты.

Мир гудел от заголовков, словно улей, потревоженный пасечником:

"Яхта "азиатского Гэтсби" конфискована... Даже ванна с золотым покрытием?!"

"Коллекция драгоценностей и дизайнерских вещей Лау оценена в 400миллионов долларов... Заказал даже розовое бриллиантовое кольцо за 30миллионов для жены премьерминистра!"

Министерство юстиции развернуло масштабную операцию по аресту активов Лау. Каждая деталь его роскошной жизни выплывала наружу, словно мусор после отлива.

В прошлой реальности это осталось бы просто ещё одним "делом о зарубежном хищении". Но сейчас всё было иначе. Образ "азиатского Гэтсби" и его связи с Голливудом уже захватили внимание публики.

"Ди Каприо вернул подарки от "азиатского Гэтсби" – картины Баския и Пикассо... Каждая стоит более 3миллионов!"

"Супермодель Миранда Керр вернула бриллиантовое кольцо стоимостью 8миллионов!"

"Свизз Битц также получил эксклюзивный Lamborghini..."

Обычно финансовые скандалы скучны – бесконечные подсчёты украденных сумм, таблицы, цифры. Но список подарков, розданных голливудским звёздам, оказался неожиданно зрелищным.

– Ну надо же... – донёсся из угла кабинета голос моего помощника. – У меня самый дорогой подарок – карта Starbucks, а тут миллионы раздают...

– И они просто говорили: "Вау, богатый друг!" – и всё? Это же явная взятка, разве нет?

– Если бы ничего не ждали взамен, это выглядело бы ещё подозрительнее...

Реакция публики была бурной. Люди обсуждали, возмущались, делились мнениями в соцсетях – поток комментариев рос, как снежный ком.

Но, наблюдая за этим, я тихо цокнул языком. "Всё ещё недостаточно сильно", – подумал.

Искра искрой, но огонь, подпитываемый любопытством или развлечением, гаснет быстро. Настоящее пламя, способное гореть долго и яростно, питается только одним – гневом.

А этого топлива в костре пока не хватало. Да, где-то тлели угольки недовольства, но до настоящего пожара было ещё далеко.

За окном медленно опускались сумерки. Небо из голубого превращалось в лиловое, а огни города начинали мерцать, как россыпь бриллиантов. Я отложил бумаги, сделал глоток остывшего кофе и задумался: что ещё можно подбросить в этот огонь?

В воздухе витал терпкий запах кофе и полированной кожи – в кабинете царила та особая атмосфера, которую создают дорогие вещи и напряжённая работа. За окном медленно сгущались сумерки, окрашивая небо в глубокие пурпурные тона. И в это время сидел за массивным столом из тёмного дуба, перебирая стопку распечаток. Пальцы скользили по шершавой бумаге,

а в ушах всё ещё звучали обрывки телефонных разговоров – далёкие, приглушённые, словно доносившиеся сквозь толщу воды.

– Разве не было нескольких добровольных возвратов? – донёсся из угла голос моего помощника. – А остальные молчат, будто воды в рот набрали.

– Похоже, те, кто ничего не вернул, явно что-то скрывают.

– Даже если ты не знал, что подарок "с душком", разве не надо его отдать?

– Если ты принял его, зная, откуда он, – ты соучастник.

В обществе нарастала волна подозрений. Звёзды, позировавшие с Лау на фото, но не спешившие возвращать подарки, оказались под прицелом общественного осуждения. Но фокус внимания был смещён.

Гнев толпы почти не касался главного виновника – самого Лау.

"Неужели это предел?" – мысленно спросил себя, проводя пальцем по краю стакана с ледяной водой. Капли конденсата стекали на ладонь, оставляя холодные следы.

Всё объяснялось просто: Лау был иностранцем. А Америка, как правило, равнодушна к проблемам других стран. Сколько бы миллионов долларов из налоговых фондов Малайзии ни проглотил этот мошенник, если американцы не пострадали – история оставалась далёкой и неважной.

Время от времени в прессе появлялись статьи, копавшие в прошлое Лау благодаря его скандальной репутации "азиатского Гэтсби". Но отклик был вялым.

И неудивительно – большинство текстов выглядели так:

"Со студенческих лет он вёл роскошный образ жизни и целенаправленно выстраивал связи с ближневосточной элитой, в том числе подружившись с седьмым сыном саудовского короля. Этот человек формально возглавлял PetroAgab, хотя компания почти не вела реальной деятельности... сокращено... Лау также имел связи с пасынком премьерминистра Малайзии и использовал их для совместных проектов между MDB и PA..."

Содержание было подробным, но именно эта детализация работала против него. Как только в тексте появлялись фразы вроде "подставные компании" и "бухгалтерские махинации", публика, ещё недавно заворожённая голливудскими скандалами, начинала терять интерес.

"Похоже, пора подбросить новое полено в огонь", – вновь подумал про себя, откидываясь на спинку кресла. Кожа приятно скрипнула под весом тела.

В итоге, решил вмешаться лично. Когда дело касается управления огнём, нужен опыт мастера.

"Лау... Те же методы, что у Theranos?" – гласил новый заголовок.

Недолго думая, выбрал Theranos как точку сравнения. Если присмотреться, эти два случая развивались совершенно поразному. Но для розжига пламени не важно, насколько они похожи – главное, чтобы поленья занялись.

Сначала сосредоточился на общих чертах. В мошенничестве важны не столько финансовые схемы, сколько фундаментальный метод обмана.

"У Холмс и Лау было одно очевидное сходство. Оба сначала проникали в "элитные сети", а затем использовали их как трамплин для ещё более масштабных афер. Холмс начала с того, что обхаживала громкие имена вроде Генри Киссинджера, и благодаря этим блестящим связям смогла привлечь огромные инвестиции без технической проверки. Лау действовал так же.

Лау получал множество предупреждений, но каждый раз преодолевал их с помощью своих "связей".

Например, когда он пытался получить кредит от банка на имя MDB, собственного кредитного рейтинга компании не хватило. Тогда Лау привлёк своих знакомых из суверенного фонда АбуДаби. А этот фонд – гигант, признанный во всём мире.

С их "гарантией" MDB получила кредит в 2,5 миллиарда долларов без какойлибо проверки.

И это было только начало.

Уже тогда его подозревали в отмывании денег, но он снова использовал свою "сеть", чтобы избежать проблем. Банки уже чувствовали неладное в денежных потоках Лау. Их отделы этики поднимали красные флажки.

Но...

Один из руководителей суверенного фонда заявил: "Я хорошо знаю этого человека – он чист".

И этого оказалось достаточно.

Конечно, такие детали не удержат внимание обычного человека. Поэтому просто подготовил небольшой "реквизит".

"Лау зарегистрировал подставную компанию на имя своего отца. В результате огромные суммы денег перетекали между отцом и сыном. Когда банк запросил разъяснения по этим подозрительным транзакциям, Лау вышел из себя и отправил следующее письмо..."

Тут же раскрыл копию "письма гнева" Лау в отдел этики банка. Текст пылал яростью – каждая строчка дышала раздражением, словно автор не мог сдержать эмоций. Слова били по глазам, как острые осколки стекла.

За окном окончательно стемнело. Город зажёл миллионы огней, и они отражались в стёклах небоскрёбов, создавая иллюзию звёздного неба, упавшего на землю. Я отложил бумаги, сделал плоток остывшего кофе и улыбнулся. Огонь разгорался.

А в душном кабинете, где воздух пропитался запахом перегретой электроники и застоявшегося кофе, где перечитывал письмо Лау. Экран ноутбука мерцал, отбрасывая бледные блики на полированную поверхность стола. За окном НьюЙорка шумел вечерний город – далёкие гудки такси, звон трамвайных колёс, обрывки разговоров, долетавшие сквозь тройное стекло.

Письмо пылало высокопарными фразами:

"Это "подарок", который я передал отцу. Это знак уважения к старшим – краеугольный камень конфуцианской культуры. Каждый раз, создавая богатство, мы отдаём часть родителям согласно обычаю, а они, в свою очередь, проявляют щедрость к детям. Нарушить эту традицию – абсолютное табу, ведущее к страшным несчастьям. Это крайне чувствительный культурный вопрос, а вы пытаетесь вести дела в Азии, не понимая этого!"

Абсурдность оправдания была в глаза. Но что же решили банковские топменеджеры, получившие это послание?

– Переводы внутри семьи не всегда поддаются логическому объяснению, – таков был их вердикт.

Непроизвольно хмыкнул, откидываясь на спинку кресла. Кожа неприятно скрипнула. "Да, теперь пора подлить масла в огонь", – подумал цинично, потирая в очередной раз пальцами шершавую кромку стакана с ледяной водой. Капли конденсата вновь стекали по стеклу, оставляя мокрые дорожки на ладони.

Правила финансовой системы работают не для всех одинаково. Они созданы для 99% населения, тогда как верхний 1% легко сглаживает острые углы подобными нелепыми отговорками.

Именно тогда-то и вспомнил лозунг протестов Occupy Wall Street. Хотя сами акции давно сошли на нет, шрамы финансового кризиса попрежнему кровоточили в сердцах тысяч людей. Гнев тех, кто лишился дома из-за алчных банков, не утихал. Нужно было лишь подбросить щепотку ярости – и спящий огонь вспыхнет с новой силой.

"Разве это не странно? – написал в этой статье. – Когда обычный человек пытается взять кредит в десять тысяч долларов, он должен собрать десятки документов. И даже тогда одобрение не гарантировано. Но когда речь идёт о сотнях миллионов, достаточно одного письма про "конфуцианскую культуру". Невероятно".

Так что спокойно бросил эту искру в сухую траву и замер в ожидании. "Посмотрим, как отреагируют люди..."

Реакция превзошла все ожидания.

Не только жертвы финансового кризиса, но и те, кто годами бился за кредиты, взорвались гневом. В соцсетях полетели комментарии – резкие, горькие, пропитанные обидой:

– В прошлом году мне срочно нужны были пять тысяч долларов на лечение родителей. Естественно принёс всё: справки о доходах, трудовой договор, налоговые декларации, выписку по кредитной истории... И всё равно получил отказ. А этот тип получает миллиард по одному письму про "конфуцианскую культуру"?

– Работаю на двух работах, но мне отказали в ипотеке – сказали, доход нестабильный. Может, стоило написать "у меня богатые друзья"?

– Я работал в банке. VIP-клиенты вообще не проходят проверку кредитоспособности – им сразу одобряют займы. После кризиса нагромодили столько регуляций, что взять кредит стало почти невозможно для малого бизнеса, фрилансеров, людей с низким доходом. А для богатых – экспресс-линия?

Эти слова были как бензин, выплеснутый в костёр.

Постепенно, но неумолимо, спящая ярость пробуждалась.

Вскоре соцсети запылали.

Это уже не просто мошенничество – это вызов всей привилегированной структуре финансовой индустрии.

Голоса становились резче:

– Разве после кризиса нам не обещали реформы?

– Богатые получают кредиты по email, остальные – "невозможные кредиты".

– Это они называли "прозрачной системой"? Да, прозрачно: "обычным людям кредитов нет".

– Wall Street дождался, пока Оссуру затихнет, и показал своё истинное лицо.

– Сколько ещё нас будут дурить?

– Пора сломать эту систему.

Гнев толпы разворачивался в сторону Wall Street. Онлайн-пространства заполнялись язвительной критикой финансовой элиты. Некоторые призывали возродить движение Оссуру Wall Street.

В центре бури оказался Goldman.

Естественно. Именно они помогли Лау выпустить сомнительные облигации, запустив всю мошенническую схему.

В прошлой реальности Goldman дистанцировался от дела, заявляя, что не причастен. Лишь когда ситуация накалилась, они свалили вину на "нескольких недобросовестных сотрудников".

Но сейчас всё было иначе. Что и требовалось.

За окном окончательно стемнело. Город вспыхнул миллионами огней – они отражались в стёклах небоскрёбов, создавая иллюзию звёздного неба, упавшего на землю. Спокойно закрыл ноутбук, сделал глоток остывшего чая и улыбнулся. Огонь разгорался – медленно, но верно.

В просторном зале заседаний Goldman Sachs царила напряжённая тишина, нарушаемая лишь тиканьем старинных напольных часов в углу. Воздух был пропитан запахом полированного дерева и дорогого кофе – тот особый аромат, который возникает в местах, где решаются судьбы миллионов. За панорамными окнами медленно опускался вечер, окрашивая небоскребы Манхэттена в золотисто-оранжевые тона.

На большом овальном столе лежали распечатки пресскриптов – их края слегка загнулись от частого перелистывания. В этот момент сидел в кресле с высокой спинкой, ощущая про-

хладу кожаной обивки сквозь тонкую ткань рубашки. Пальцы невольно сжимали край стакана с ледяной.

В официальных заявлениях Goldman звучали тщательно выверенные фразы:

"Инцидент произошёл в 2012 году в переходный период, когда новые регуляции только внедрялись. В системе, ещё не полностью сформированной, несколько сотрудников действовали самостоятельно".

"Узнав о происшествии через Институт Дельфи, Goldman осознал серьёзность ситуации и добровольно сотрудничал с Министерством юстиции, сыграв ключевую роль в аресте Лау".

"Мы готовим судебные иски против двух сотрудников, содействовавших мошенническим действиям Лау. Руководители, закрывавшие глаза на происходящее, приняли ответственность и ушли в отставку".

Компания признала прошлые ошибки, ловко переложив вину на ушедших руководителей. А "новое руководство" торжественно обещало начать с чистого листа.

И этим "новым лидером", конечно же, оказался Пирс.

"Хотя Goldman участвовал в выпуске облигаций в 2012 году, позже мы заподозрили неладное в поведении Лау и потребовали дополнительной проверки. Несмотря на риск потерять ценного клиента в пользу конкурента, мы внедрили строгие процедуры управления рисками – в результате Лау перестал быть нашим клиентом", – уверенно заявлял он в интервью.

Пирс подчёркивал, что Goldman больше не ведёт дел с Лау, ненавязчиво указывая на банкконкурент, который принял клиента. Вскоре выяснилось: именно этот банк недавно предоставил MDB крупный кредит – исключительно на основании гарантии суверенного фонда АбуДаби, без какойлибо проверки.

Как только новость разлетелась, акции банка рухнули.

Goldman изящно перенаправил гнев общественности, одновременно подставив конкурента – два удара одним движением.

– Ну как? – спросил, наблюдая за игрой теней на стенах зала.

– Результаты, безусловно, впечатляют, – небрежно ответил Пирс, поправляя манжету белоснежной рубашки.

– Слышал, тебя рассматривают как следующего CEO после этого.

После скандала Пирс стал лицом "обновлённого и чистого" Goldman. Если действующий CEO уйдёт, кресло займёт именно он. А значит, он может стать полезным союзником.

Но у сотрудничества со мной есть условия.

И естественно бросил Пирсу едва уловимое предупреждение:

– В будущем лучше ждать "одолжений", а не пытаться рассчитаться "долгами". Как уже тебе говорил – если жадность смешивается с одолжением, жди беды.

Если бы он отверг моё "одолжение", сейчас Goldman ощущал бы на себе удар обвала акций. А если бы вдобавок пошёл дальше и сыграл на понижение... ситуация могла стать крайне неприятной. Если не сказать хуже.

Напомнив ему об этом, увидел, как Пирс неохотно кивнул:

– Тогда буду ждать.

Будем говорить откровенно, всё ещё был должен ему один долг. И теперь он согласился: и в этот раз сам решу, когда и как его вернуть, чтобы мне было удобно и выгодно.

Но вдруг выражение лица Пирса изменилось – в глазах мелькнула тревога:

– Кстати... с тобой всё будет в порядке?

В этот момент в моей памяти опять всплыла та самая история – нелепое оправдание Лау, которое какимто чудом сработало:

"В Азии принято, чтобы успешный сын делился богатством с родителями, а они в ответ проявляют благодарность", – заявил он тогда, глядя на банковских аудиторов с невозмутимым спокойствием.

Глава 2

Воздух в конференц-зале был плотным, как старое вино – пропитан запахом нагретого дерева, кожи и лёгкой горечи кофе и чая, оставшегося на дне фарфоровых чашек. За окнами Манхэттена медленно гасло вечернее небо, окрашивая облака в цвет высохшей крови. Город дышал – глухо, размеренно, как спящее чудовище. Где-то вдалеке, за стенами здания, вспыхивали сирены, а в вентиляции тихо шуршал воздух, будто кто-то шептал на иностранном языке.

Сейчас сидел напротив Пирса, чувствуя, как прохлада мраморного стола просачивается сквозь тонкие манжеты рубашки. Он медленно водил пальцем по краю своей чашки, оставляя на фарфоре влажный след. Его взгляд был тяжёлым, как будто он взвешивал не слова, а поступки.

– Я сделал, как ты просил, – произнёс он наконец, и голос его прозвучал сухо, будто бумага, терзаемая ветром. – Но не уверен, что быть в центре внимания – это хорошо.

Goldman Sachs опубликовал заявление. В нём упоминался "Институт Дельфи" – будто это он первым заметил подозрительные операции MDB, поднял тревогу, встал на страже порядка. Слово "Дельфи" пронеслось по новостным лентам, как эхо из древнего храма.

И тогда началось.

Журналисты ринулись к расследованию. Копали. Ковырялись. И вот – разразился скандал, который никто не ждал.

– Основатель Института Дельфи... это Сергей Платонов?

Голос одного из репортёров дрожал. Не от холода. От осознания.

А разве можно забыть, кто такой Сергей Платонов?

Тот самый юноша, что встал против несправедливости, когда молчали все. Тот, кого называли "Касаткой" – хищником в мире финансовых акул, охотящимся на ложь, на подлог, на жадность. Тот, кого розничные инвесторы чтили, как пророка, – шептали его имя перед открытием сделок, будто заклинание.

И вот теперь выяснилось: именно он, Сергей Платонов, вновь вывел мошенников на свет. Не ФБР. Не SEC. Не целые департаменты аналитиков. А один человек.

Люди взорвались.

– Распустите ФБР. Достаточно одного Платонова.

– Переведите бюджет SEC на его счёт. Он и так делает всю работу.

– Запущена программа "Очистка Уолл-стрит": Сергей Платонов.exe теперь удаляет жуликов.

Образ, который я выстраивал годами – честный, независимый, не подвластный системе – наконец созрел. И стал тем, кого называют "единственным, кому можно верить на Уолл-стрите".

Пирс сидел молча. Только пальцы его слегка дрожали, когда он поднёс чашку к губам. Кофе уже остыл. Он сделал глоток – и поморщился.

– Слишком чистый образ... – произнёс он тихо. – Это как свежавыпавший снег. Людям хочется в него наступить. Разбить. Увидеть, что под ним.

Согласно кивнул.

– Знаю не хуже тебя.

– И всё равно идёшь на это?

– Не иду. Уже в самом центре. Осталось только не сгореть.

Он посмотрел на меня – и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на страх.

– Зачем ты меня позвал? – спросил он резко, будто пытался сбросить напряжение.

– Чтобы ты пустил слух.

– Слух? – переспросил он, приподнимая бровь. – На Уолл-стрите слухи – как споры грибка. Распространяются в тёплой тьме, в пыли ковров, в шепоте за закрытыми дверями.

– Именно.

– И какой слух?

Тогда сделал паузу. За окном вспыхнула реклама – ярко-синяя вспышка, осветившая его лицо сбоку.

– Pareto неплохо заработал на этом скандале. Пусть все об этом узнают.

– Заработал? Ты имеешь в виду...

– Да. Наш ход в Малайзии. Мы предсказали падение MDB. Вложились. Вышли с прибылью.

Он замер. Где-то вдалеке щёлкнул лифт. Двери открылись. Закрылись. Тишина.

– Ты хочешь, чтобы это стало известно... неофициально, – сказал он.

– Именно. Пусть почувствуют запах. Пусть начнут охоту.

– А если охота обернётся против тебя?

– Тогда сразу стану не добычей, – ответил, глядя в окно, где отражался мой силуэт на фоне огненного города, – а охотником.

Пирс медленно кивнул. Взял со стола ручку. Записал что-то на салфетке. Поджёг уголок зажигалкой. Пламя на мгновение вспыхнуло – ярко, жадно – и погасло, оставив чёрный след.

– Слух начнётся завтра, – сказал он. – К полудню весь Уолл-стрит будет знать.

На это спокойно улыбнулся.

За окном зажглись огни Бруклина. Они отражались в реке, как рассыпанные монеты. Город дышал. А я – уже горел.

Тонкий запах озона висел в воздухе – следствие недавнего дождя, стукнувшего в стекла небоскрёбов, как пальцы бродячего музыканта по барабану. Город после ливня дышал тяжело, влажно, будто вынырнул из тёмной воды. На подоконнике осталась лужица – прозрачная, дрожащая, в ней отражалась вывеска бара напротив, размазанная, как масляная краска. Сергей стоял у окна, чувствуя прохладу стекла сквозь ладонь. Пальцы слегка онемели – не от холода, а от напряжения.

Пирс сидел за столом, ссутулившись, будто тяжесть слов легла ему на плечи. Его руки лежали на раскрытой папке – бумаги были чуть помяты, края загнулись от частого перелистывания. Он поднял глаза. В них – не гнев, не страх, а что-то глубже. Предчувствие.

– Ты... хочешь это обнародовать? – спросил он, и голос его дрогнул, как струна на старом рояле. – Вы сошли с ума?

Не ответил сразу. За окном мигнул фонарь, погас, вспыхнул снова. Где-то внизу, на улице, капало с козырька – кап-кап-кап, ритмично, как отсчёт времени.

– Мы сделали ставку на падение малайзийского ринггита, – сказал наконец, не поворачиваясь. – Через опционные контракты USD/MYR, через NDF, через короткие позиции по гособлигациям. И купили CDS, как будто ждали краха.

– И вышло?

– Чистая прибыль – около 200 миллионов долларов.

Он побледнел. По лицу будто прошёлся ледяной ветер. Пальцы сжали край стола.

– Вы хотите, чтобы весь мир узнал, что "Касатка" – ты, Сергей Платонов – заработал на чужом крахе? На беде целой страны?

– Именно.

– Тогда вас сожгут. На костре. Без суда. Без следствия.

– Прекрасно знаю, как уже сказал.

– Тогда зачем? Зачем рушить то, что строилось годами?

Медленно отошёл от окна. Подошёл к столу. Сел напротив. Взял в руки его ручку – тяжёлая, металлическая, с выбитым логотипом банка. Покрутил в пальцах.

– Потому что огонь, который мы разожгли, – слишком слаб, – сказал тихо. – Он трещит, но не жжёт.

– Люди уже называют вас последней честной душой на Уолл-стрит

– И это слишком чисто. Слишком... пресно.

– Что ты хочешь?

– Хочу, чтобы пламя вспыхнуло по-настоящему.

Он смотрел на меня, как на безумца. Или как на того, кто видит дальше.

– Ты хотите, чтобы тебя ненавидели?

– Вовсе нет, а хочу, чтобы меня заметили. Чтобы меня боялись. Чтобы имя "Институт Дельфи" звучало не как имя аналитической группы, а как имя оракула. Как в Дельфах. Как голос, который слушают президенты.

– Но для этого нужно доверие

– А доверие – не только в чистоте. Оно – в силе. В решимости. В способности менять реальность.

Он замолчал. Где-то в зале щёлкнул таймер – включилось освещение. Холодный свет упал на бумаги, на его лицо, на мои руки.

– Ты не понимаешь, – прошептал он. – Сейчас весь Уолл-стрит в огне. Люди кричат о привилегиях, о несправедливости. Банкиры – враги. А ты... ты единственный, кого не трогают. Ты – исключение.

– И сам его разрушу.

– Зачем?

– Потому что исключение – не лидер. Лидер – тот, кого боятся, но к которому идут за правдой. Даже если она горькая.

Он провёл ладонью по лицу, будто пытался стереть усталость.

– Ты хочешь ускорить процесс.

– Не хочу ждать десятилетия, как другие институты. И не собираюсь медленно копить доверие. А хочу, чтобы его вынудили доверять.

– Это рискованно.

– Риск – это топливо. Без него огонь не разгорится.

– А если ты сгоришь?

– Тогда сгорю. Но Дельфи останется.

Он смотрел в стол. Потом – на меня. Медленно кивнул.

– Ты... можете попросить кого-то другого, да?

– Могу.

– Хорошо. Тогда сделаю это.

Через несколько дней по новостным лентам пронёсся взрыв.

"Парето Инновейшн получила огромную прибыль от кризиса в Малайзии..."

Слово "Парето" звучало как выстрел. А дальше – тишина. Потом – шум. Потом – крик.

Где-то в Бруклине зазвонил колокол церкви. Где-то в Лондоне – хлопнула дверь. Где-то в Токио – вспыхнул экран.

А сам в тот момент стоял у окна. Смотрел на город. И знал: огонь, который разжёт, уже не потушить.

Он только начинал пожирать всё вокруг.

Тонкий запах дождя просачивался сквозь щель в окне — влажный, земляной, с лёгкой горечью асфальта. Город дышал тяжело, будто после бега. Где-то внизу капало с карниза – кап-кап-кап, как метроном, отсчитывающий время до взрыва. Я сидел в кресле, спиной к свету,

чувствуя, как прохлада стекла касается шеи. На столе – чашка с остывшим чаем, его аромат уже выдохся, осталась лишь горькая плёнка на поверхности.

Экран ноутбука светился, как костёр в пещере. Заголовки ползли один за другим – острые, ядовитые, с привкусом предательства:

"Сергей Платонов, раскрывший скандал MDB – тайно заработал сотни миллионов?"

Пирс действительно постарался. Каждая статья – будто нож, заточенный на слух. Меня рисовали жадным охотником, который, притворяясь спасителем, сорвал куш на чужом крахе. Герой стал антигероем. Святой – хищником. "Касатка" – суперакулой.

В обычных обстоятельствах – ничего особенного. Так работает Уолл-стрит. Хаос – это поле для урожая. Волатильность – чужая беда – чей-то доход. Так устроена игра.

Но проблема была не в деньгах.

Проблема была в том, кем себя выставлял до этого.

Я – основатель Института Дельфи.

Института, который входил в специальную группу по расследованию MDB. Института, у которого был доступ к информации – к срокам ареста Лау, к прогнозам последствий для Малайзии. К информации, которую нельзя было знать заранее.

И вот теперь заголовки ударили, как молот:

"Основатель Дельфи Сергей Платонов – обвиняется во внутренней торговле?"

Если бы инвестиции Pareto были сделаны до публикации отчёта – это преступление. Ясное, чёткое. Уголовное.

Но на самом деле вовсе не торопился.

А ждал.

Ждал, пока отчёт Дельфи не появится в открытом доступе – в архиве, на сайте, в PDF, доступном каждому студенту, каждому трейдеру, каждому, у кого есть интернет. Только тогда дал команду.

– Инсайд – это когда действуешь на основе недоступной публике информации, – сказал в своём заявлении, голос которого прозвучал в эфирах, как удар колокола. – Но инвестиции были совершены после публикации. В момент сделки информация была общедоступной. Значит, нет инсайда. Есть лишь умение читать то, что лежит на поверхности.

Логика была железной. Юридически – безупречной.

Но люди не судят логикой.

Они судят чувствами.

А чувство было одно – предательство.

– Обновление: Сергей Платонов – от совести Уолл-стрита к её истинной сути.

– Касатка: успешно прошёл испытание "притворись хорошим, пока счёт в банке растёт".

– Поворот: снайпер Уолл-стрит оказался её главным артистом.

Да, формально – всё чисто. Но по сути – это танец на краю пропасти. Это как сказать "я не врал", но умолчать, когда и как ты узнал правду.

Люди чувствовали: тот, кого они считали сторожем, использовал доступ к ФБР, к Минюсту, к закрытым данным – чтобы вовремя выйти на рынок. Что он играл в святого, пока считал прибыль.

– Если бы он не строил из себя ангела, мы бы не разочаровались так сильно.

– Нельзя быть белым рыцарем, играя в серой зоне.

– Зарабатывал, как акула, а смотрел, как святой. Это уже не жадность – это наглость.

– Всё по закону, но не по совести – Способ Уолл-стрит.

Читал это – и улыбался.

Потому что знал: всё идёт по плану.

"Лицемер" – это слово, которое горит ярче, чем "преступник". Оно жжёт изнутри. Оно разъедает доверие. Оно превращает героя в марионетку.

– А что, если утечка из Минюста была спланирована? – писали в соцсетях.
– MDB рухнул, мы подняли шум, мы заработали. Информация – не для спасения, а для прибыли.

– Использовал ФБР, SEC, Минюст как инструмент? Это же 4D-шахматы.
– Неужели весь государственный аппарат двигался под сценарий хедж-фонда?
– Это манипуляция рынком. Просто и ясно.

Обвинения летели со всех сторон – как осколки после взрыва. Кто-то кричал о заговоре. Кто-то – о гениальности. Кто-то – о преступлении.

Но самый горячий вопрос – висел в воздухе, как запах гари:

А что, если сам и спланировал падение?

Что если и запустил цепь событий – чтобы заработать?

Манипуляция рынком – это уже не серая зона. Это тюрьма.

Спокойно закрыл ноутбук. Экран погас. В комнате стало темно. Только где-то в углу мигал индикатор роутера – красная точка, как глаз.

Потом встал. Подошёл к окну. За стеклом – город, охваченный шумом. Новости. Комментарии. Хэштеги. Нутром чувствовал, как вибрирует воздух – не от машин, не от поездов, а от гнева, от возмущения, от интереса.

И знал: пламя, которое сейчас разжёт, больше не потушить.

Оно уже пожирает всё – репутации, системы, иллюзии.

А стою посреди огня.

И не горю.

Тонкий запах чая смешивался с лёгкой горечью старой бумаги – в кабинете пахло библиотекой, где читают не стихи, а балансы. За окном небо медленно серело, как будто город готовился к суду. Где-то внизу, на улице, гудел автобус, его двигатель хрипел, как старик, не желающий вставать с постели. Вентилятор в углу тихо шуршал, будто перелистывал страницы.

Сидел, откинувшись на спинку кресла, пальцы – на клавиатуре, взгляд – на экране. Он пылал. Не от яркости подсветки, а от того, что на нём происходило.

Не все меня ненавидели.

Напротив – у меня появились новые союзники. Не политики. Не аналитики. А те, кого никто не замечал – пока они не начинали шуметь.

Розничные инвесторы. Те, кто торгует с ноутбуков в спальнях, с балконов, с кухонь, где рядом – чашка с остывшим чаем и ребёнок, требующий ужин. Те, кто вложил последние деньги в акции, мечтая не о дворце, а о возможности не бояться завтрашнего дня.

Их цитадель – WallStreetBets.

Там, где юмор – как броня, а мат – как молитва.

И вот теперь они встали на мою защиту.

– А с каких пор зарабатывание денег стало преступлением?

– Статья: "Сергей Платонов заработал". Комментарий: "Преступник!" А я: "Что??"

– Логика завистников: заработал легально – зовите ФБР

– Угадал движение рынка? Значит, манипуляция. Да это просто слабаки с пустыми кошельками орут от обиды.

Они читали отчёты Дельфи не как аналитику – как пророчества.

– Следующее предсказание уже здесь

– Святой Шон предвидел падение Малайзии – да обратятся их облигации в туалетную бумагу, а ринггит – в песок. Да здравствует Шонмен

– Прочитал отчёт Дельфи. Взял тайный кредит, не сказав жене. Всё ставлю на шорт по MYR/USD и путы на EWM.

– Кто сомневается в тщательности Святого Шона – останется ни с чем.

Для них мои отчёты были не документами – а священным писанием. Они цитировали их, как строки из Библии. Делали скрины, вставляли в мемы, вывешивали над мониторами, будто талисманы. Каждый профит – как доказательство божественного промысла.

"Святой Шон" – так они меня называли. И защищали, как защищают икону в храме.

А интернет? Интернет превратился в котёл.

С одной стороны – крик:

– Лицемер Кричит о справедливости, а сам балансирует на грани закона

– Он встал точно на красный свет, и все визжат, будто он перебежал дорогу перед танком

– Проблема не в том, что заработал. Проблема в том, что делал это, притворяясь спасителем

– А он скрывал, что у него хедж-фонд? Нет. А хедж-фонды публикуют свои позиции? Тоже нет.

– Шон: раскрыл мошенников, помог вернуть деньги жертвам. А вы: "преступник манипулятор!"

– Проблема не в поимке жуликов. Проблема в том, что люди думают – он использовал Минюст, чтобы заработать.

– А почему это должно быть "или"? Почему не может быть "и"?

– Вид сбоку: ты создаёшь ситуацию, где все выигрывают – а тебя называют злодеем.

– Спаситель должен вечно жить в нищете?

Одни видели во мне манипулятора. Другие – пророка.

И никто не собирался отступать.

Я же сидел в полумраке, чувствуя, как под кожей бьёт пульс. Тёплый. Ритмичный. Как метроном перед симфонией.

– Ну что ж, – прошептал спокойно, – горит неплохо.

Пламя было сильным. Гораздо сильнее, чем ожидал. Оно уже не просто плясало – оно рвалось вперёд, сжигая всё на своём пути.

Потом закрыл ноутбук. Щёлк. Экран погас. В комнате стало темно, только красный индикатор на роутере мерцал, как глаз демона.

– Пора готовить следующий отчёт, – сказал как бы самому себе.

Патриция, сидевшая напротив, резко подняла голову. Её глаза расширились.

– Сейчас? Скандал ещё не утих. Люди только начали разбираться!

– Именно поэтому – сейчас, – ответил ей, не повышая голоса. – Потому что все смотрят. Каждое моё движение. Каждое слово. Те, кто считает меня обманщиком, будут следить, как ястребы.

– А ученики WallStreetBets, – добавил я, – уже жаждут нового "пророчества".

Потом встал. Подошёл к окну. За стеклом – город, охваченный шумом. Новости. Хэштеги. Споры. Где-то вдалеке вспыхнула реклама – ярко-синяя, как молния.

– Если Дельфи опубликует отчёт сейчас... – продолжил спокойно, – ни одна сторона не сможет его проигнорировать.

– Они будут читать. Будут спорить. Будут ненавидеть. Будут боготворить. Но они прочитают.

А что сделают после?

Это уже не важно.

Важно лишь одно – они придут к одному и тому же выводу.

– Пора создать новый заголовок, – сказал тихо.

И почувствовал, как по спине пробежал лёгкий холод – не от страха, а от предвкушения.

Пора было подбросить в огонь новое полено.

На этот раз – такое, чтобы вспыхнуло не только в Америке.

Чтобы весь мир почувствовал жар.

Утро 1 июня 2015 года вошло в историю не взрывом, не терактом, не войной. Оно началось с тишины. С лёгкого щелчка реле. С падения одного-единственного сайта.

"Институт Дельфи" – сухое, безлико-научное название – в одно мгновение стал центром вселенной.

В 9:00:03 по восточному времени его серверы задохнулись. Не от хакерской атаки. Не от сбоя. От наплыва – как если бы весь мир разом попытался открыть одну и ту же дверь.

Трафик взвился вверх, будто пламя, подхваченное ветром. Мониторы в техцентре вспыхнули красным. Где-то в подвале здания на Манхэттене кондиционер захрипел, не справляясь с жаром перегруженных процессоров. Воздух пропитался запахом озона и плавящегося пластика – едва уловимым, но тревожным, как запах гари перед пожаром.

Люди не ждали отчёта. Они жаждали его.

Потому что знали: за этим именем – не просто аналитика. За этим именем – Сергей Платонов. "Касатка". "Святой Шон". Тот, кто указал на MDB. Тот, кто заработал на крахе Малайзии. Тот, кого одни называли пророком, другие – манипулятором, но все – опасным.

И вот – новое слово.

Но сайт молчал. Тридцать минут – как вечность.

А в это время – интернет кипел. Где-то в спальне на Бруклине парень в потёртых носках лихорадочно листал Telegram-каналы, пальцы его скользили по экрану, оставляя жирные следы.

– Есть – выдохнул он. – "Чёрный Лебедь".

– Что?

– Дельфи. Греция. Они говорят – дефолт.

– Опять? Да это же старая песня.

– Нет. На этот раз – по-другому.

И действительно – по-другому.

Когда сайт наконец ожил, будто человек, вернувшийся из обморока, на главной странице появился заголовок, холодный, как скальпель:

"Приход Чёрного Лебедя: крах Греции, катастрофа, которую все проигнорировали"

Греция.

Не Уолл-стрит. Не Китай. Не нефть. Греция – страна с белыми домами, древними храмами и долгами, высокими, как Олимп.

Для большинства – это было что-то далёкое. Безопасное. "Опять встанут на уши, опять дадут денег – и будет тишина", – думали они. Как в 2010. Как в 2012.

Но отчёт говорил иное.

Он не просто предсказывал дефолт. Он вскрывал его. Как хирург – тело. Как пророк – будущее.

"Греки больше не будут платить. Их правительство – новое, радикальное, рождённое на гнев – скажет "нет". А Европа? Европа устала. Германия не даст миллиардов. Франция не поддержит. Северные страны не проголосуют. Помощи не будет. И в этот раз – спасения не будет."

Слова ложились на глаза, как лёд. Но не сразу – понимание.

Сначала – насмешки.

– Серьёзно? Греция?

– Это не кризис. Это повтор.

– Платонов, ты, конечно, гений, но даже ты не можешь заставить ЕС рухнуть.

Но потом – тишина. Потому что кто-то перечитал. Кто-то включил карту. Кто-то вспомнил: евро – это не просто валюта. Это договор. Договор доверия. А если один выйдет – кто следующий?

И тогда – начался страх.

Не паника. Не истерика. Тихий, холодный страх, как когда чувствуешь, что земля дрогнула под ногами, но никто не кричит.

Где-то в Лондоне трейдер, сидя в баре с бокалом виски, вдруг замер, уставившись в телефон.

– Убери евро, – прошептал он. – Всё. Сейчас.

Где-то в Мюнхене аналитик, пьющий кофе, резко встал, сбросив салфетку на пол.

– Пересчитать позиции по итальянским бондам. Срочно.

Потому что поняли: это не просто отчёт. Это спусковой крючок.

И самое страшное – не то, что написано. А то, что не написано. Кто-то уже знает, как на этом заработать. Кто-то уже сделал ставку. Кто-то – как Сергей Платонов – не просто предсказывает будущее. Он его создаёт.

А в Нью-Йорке, в тишине кабинета, он сидел у окна. За стеклом – город, ещё не знающий, что завтрашний день изменит всё. Он не читал отчёт. Он его помнил. Каждое слово. Каждую запятую.

Он только смотрел. И ждал. Как рыбак, бросивший сеть в тёмную воду. И знающий: рыба уже клюнула. Осталось – вытянуть.

1 июня 2015 года, утро. Воздух в Нью-Йорке висел тяжело, как мокрая простыня. Дождь не шёл, но чувствовалась влага – на коже, в волосах, в стенах. Где-то капало. Кап-кап-кап – ритмично, как тиканье часов перед взрывом.

Сайт Института Дельфи умер в 9:03. Не с хрипом, не с предупреждением – просто погас. Словно кто-то выдернул шнур. Тридцать минут – тишина. Ни одного запроса не проходил. Серверы задохнулись под напором тысяч одновременных подключений. Это был не трафик – это был шторм.

А в это время – в спальнях, на кухнях, в метро – люди листали Telegram, Discord, старые форумы, искали, кто уже скачал. Кто-то нашёл. Кто-то скинул. И началось.

"Чёрный Лебедь. Греция".

Не заголовок – предупреждение. Как если бы кто-то сказал: "Не выходи сегодня на улицу".

Греция. Маленькая страна с древними храмами и долгами, высокими, как Парфенон. Для большинства – просто место на карте. Для других – урок, который уже прошли. 2010, 2012 – кризисы, которые закончились чеками из Брюсселя. Почему теперь – иначе?

Потому что в этот раз – чеков не будет.

Так говорил отчёт. Не кричал. Не пугал. Говорил спокойно, как врач перед операцией.

Одни смеялись.

– Да бросьте, это же Греция. Кто из-за неё рухнет?

– Страх – это товар. А Платонов – его лучший продавец.

Другие – читали, перечитывали, копали.

– А если он прав?

– А если евро начнёт падать?

– А если банки в Афинах завтра закроются?

Где-то в Чикаго парень продал машину. Потом квартиру. Всё пошло в шорт по евро.

– Пора жать на Zeus, – написал он в чате.

– Премии – дешёвые. Не шортить – глупо, – откликнулся кто-то из Канады.

WallStreetBets превратился в штаб. Люди обменивались стратегиями, как солдаты перед битвой. "3х леверидж. Всё в EWM. Если рухнет – мы в плюсе. Если нет — мы в истории."

Но с другой стороны – шёл гнев.

– Он снова манит розничных, как крыс за дудочкой, – писали.

– SEC, вы спите? А, нет – вы как всегда.

– Ни извинений, ни сожаления – просто бросил бомбу.

Интернет стал полем боя. Люди, которые раньше не знали, что такое ЕЦБ, теперь спорили о капитальных ограничениях, как о погоде.

– Вы читали отчёт? – кричал один. – В Германии кошелек закрыт.

– Но если Греция выйдет – кто следующий? – отвечал другой. – Италия? Испания? А потом и сама Германия?

Никто не знал. Но все чувствовали – что-то меняется.

И вот – спустя несколько дней.

Тишина.

Потом – одно сообщение.

"Греция не выплатила 300 миллионов евро МВФ"

Не дефолт. Ещё нет. Но первый шаг – сделан.

Где-то в Афинах старик встал утром, пошёл в банк – и увидел очередь. Длинную. Нервную. Люди смотрели на телефоны. На часы. На двери. Кто-то уже кричал.

В Лондоне трейдер, пивший кофе, вдруг поставил чашку.

– Перекройте позиции, – сказал он. – Всё. Сейчас.

А в Нью-Йорке, в тишине кабинета, Сергей Платонов сидел у окна. Он не смотрел на экраны. Он слушал.

Слышал, как падает доверие. Как шевелятся деньги. Как начинается паника.

Он не улыбался.

Он просто знал: Первый камень упал.

Остальные – покатаются сами.

Город дышал на грани. Не паникой. Не катастрофой. А предчувствием.

Воздух над Нью-Йорком стал плотным, как мокрое одеяло. В 9 утра солнце билось в стеклянные стены небоскрёбов, но свет не грел — он отражался, резал глаза, будто предупреждал. Где-то внизу, на Уолл-стрит, каблук по асфальту стучали чаще обычного. Бизнесмены в пиджаках сжимали телефоны, как будто те могли взорваться. Кофе в бумажных стаканчиках остывал – никто не пил.

Всё началось с одной строки. "Греция не выплатила 300 миллионов евро МВФ".

Не дефолт. Не конец. Но первый шаг – сделан.

И в этот момент – рынок дёрнулся. Не сильно. Но чувствительно. Как человек, которому в спину дунули.

До этого все знали: переговоры идут плохо. Германия молчит. Брюссель тянет. Афины упрямо стоят на своём. Но чтобы пропустить первый платёж? Нет. Такого не ожидали даже те, кто читал отчёты Дельфи.

А потом – началось.

Десятилетние облигации Греции взлетели по доходности до 14%. Цифра, как удар в висок. Индекс фондовой биржи Афин – минус 9,5% за один день. Акции греческих банков – вниз, на 20%. Один банк – Piraeus – рухнул так, что график выглядел, будто его сбросили с крыши.

Паника? Ещё нет. Но уже – трещина.

А в это время – где-то в подвале Чикаго, в комнате, пропахшей чипсами, пивом и горячим пластиком от перегретых видеокарт, парень в футболке с надписью "Short is the new long" встал с кресла и закричал:

– GREK Пути выросли на 500%! Я в плюсе в три раза

Экран перед ним пылал. Зелёные цифры. Красные графики. Сообщения в чате летели, как пули:

– С 50 тысяч до 180. Шорты – теперь моя религия.

– Продал наследство. Всё снова в рынок. Дед бы гордился.

– Увольняюсь. Иду в Церковь Дельфи.

WallStreetBets взорвался. Скриншоты профитов – как трофеи.

"Я вложил 10К – вышел с 62".

"Мама думала, я с ума сошёл. Теперь она просит, чтобы и ей открыл счёт".

Люди, которые раньше путали биржи с булочными, теперь говорили о путях, левверидже, коротких позициях – как о погоде. Их пальцы дрожали не от страха – от адреналина. Их глаза блеснули не от слёз – от жадности. Они не просто зарабатывали. Они чувствовали себя умнее. Сильнее. Ближе к истине.

А в Афинах – шёл дождь.

Старик смотрел в окно, держа в руках пенсионную книжку. Деньги – не пришли. Банк – закрыт. Очередь – длинная. Люди кричали. Женщина в шарфе плакала. Мальчик спрашивал: "Пап, а мы завтра поедem в парк?" Отец не ответил.

И где-то между этими двумя мирами – вспыхнули слова:

– Шакалы, которые празднуют кризис...

– Шампанское пьёте, а греки кровью плачут? Совесть есть?

– Вот он – настоящий облик финансового капитализма. Богатеете на чужой боли.

Гнев. Честный. Горячий.

Но...

Гнев не мешал другим думать: "А не поздно ли ещё войти?"

И они входили. Тихо. Тайком. Через те же чаты. Те же форумы. Те же стратегии.

Потому что видели – кто-то уже заработал. А значит, можно и им.

И вот – цифра: "Объём опционов пут на акции греческих банков вырос на 3000% по сравнению с прошлой неделей. Судя по размеру лотов – это были розничные инвесторы".

Маленькие сделки. Маленькие люди. Но вместе – шторм.

Раньше их игнорировали. Хедж-фонды. Банкиры. Аналитики в костюмах. "Розничные" – это же мусор на рынке. Шум. Фон.

Но они уже доказали, что могут двигать ценами. Ещё несколько месяцев назад – с Herbalife. С Valeant. Теперь – с Грецией.

И СМИ это почувствовали.

"Повторяется сценарий безрассудных ставок розничных инвесторов – как с Herbalife и Valeant. Только теперь ставка – целая страна. В центре – отчёт Института Дельфи".

Тишина в кабинете. Патриция сидела напротив, пальцы сжимали чашку с остывшим чаем. Запах бергамота давно выветрился. Остался только привкус горечи.

– Мне передали, – сказала она тихо. – Минюст и SEC рекомендуют выпустить предупреждение.

– Какое?

– Что отчёты Дельфи – это только анализ. Прогнозы. А решения по инвестициям – на усмотрение инвестора.

Спокойно посмотрел на неё.

Она не смотрела в ответ. Глаза – в пол. Голос – сдержанный, но в нём – дрожь.

Раньше она просто делала, что говорю. Без вопросов. Без сомнений. Но теперь – сомнения было.

Естественно понял: если сейчас не объяснить – она начнёт сомневаться во всём.

Потому медленно отодвинул стул. Звук колёс по паркету — резкий, как выстрел.

– Патриция. Я говорил тебе. Хочу быть современным Дельфийским оракулом.

– Но...

– Но предупреждение – это не про это.

– Это же просто формальность. Страховка.

– Нет.

– Это не страхование.

– Это – отказ.

Потом встал. Подошёл к окну. За стеклом – город, в котором одни праздновали, а другие плакали.

– Мы не просто предсказываем, – сказал. – Мы влияем. И если мы скажем "это не наша ответственность" – значит, мы трусы. Мы должны нести часть вины, если начнётся хаос. Потому что мы его вызвали. И если не будем за это отвечать – то не пророки. А шарлатаны.

Она молчала.

Резко обернулся.

– Мы не уменьшим своё влияние. Ни в слове. Ни на бумаге. Ни в глазах мира.

Потому что когда ты становишься голосом, который слышат миллионы –

ты уже не можешь говорить тихо.

Даже если за этим голосом – падает страна.

Дождь шёл над Нью-Йорком с утра. Воздух был тяжёлый, пропитанный влагой и выхлопами. На Уолл-стрит люди шли быстрее обычного, ссутулившись под зонтами, с телефонами у уха. В офисах – тишина. Не рабочая, а та, что бывает перед ударом.

Сергей Платонов сидел у окна. Перед ним – чашка чая. Пар давно не шёл. Чай остыл. Он не пил.

Патриция сидела напротив. Пальцы сжимали ручку. Блокнот лежал открытым, но ни одной записи.

– Вы говорите – хотите быть Оракулом, – сказала она. – Но разве этого достаточно? Чтобы быть точным?

Сергей посмотрел на неё.

– Точность – это не власть, – сказал он. – Это просто цифры.

– Но если мы правы, разве этого мало?

– Представь: у короля тысяча советников. Каждый говорит – я знаю будущее. И вот один из них – не ошибается. Ни разу. Что с ним сделают? Назовут лучшим аналитиком. Дадут премию. Упомянут в отчёте.

– И всё?

– А Оракул – это не тот, кого выбирают. Это тот, к кому идут.

Он встал. Подошёл к окну.

– Древние цари не звали Оракула к себе. Они шли к нему. Через пустыни. Через горы. Падали на колени. Почему?

– Потому что верили?

– Потому что боялись.

Он обернулся.

– Прогноз можно проигнорировать. Пророчество – нет. Потому что пророчество – это не "возможно". Это "будет". И если ты его не слушаешь – ты погибаешь. Не потому что мы сильны. А потому что ты слаб.

Патриция молчала.

– Вы хотите, чтобы нас боялись?

– Я хочу, чтобы нас не могли проигнорировать. Чтобы, когда мы говорим – "этот дом рухнет", люди не спорили, а просто выходили на улицу.

– Но использовать Грецию как пример...

– Я не рушу дома. Я просто вижу, что балки уже сгнили. Что крыша держится на соплях. Что ветер уже внутри.

Он сел.

– Представь: есть старый дом. Дерево – труха. Фундамент – в трещинах. Крыша – прогнулась. И вдруг кто-то влезает на неё и начинает прыгать. Дом рушится. Кто виноват?

– Тот, кто прыгал?

– Нет. Дом и так должен был упасть. Просто кто-то сказал об этом вслух. И в нужный момент.

Он улыбнулся.

– А теперь представь: тот же человек подходит к твоему дому. С теми же глазами. С тем же голосом. И говорит: "Можно я попрыгаю на крыше?"

– Я не впускаю, – тихо сказала она.

– Вот и всё.

За окном дождь усилился. Капли били в стекло.

Сергей посмотрел на город.

– Мы не создаём кризисы. Мы просто первые их видим.

И когда люди начинают бояться не нас – а того, что мы показываем, – тогда мы – Оракул.

Глава 3

Новость проскочила сначала будто шорох бумаги на ветру: всего через два дня после выхода "Отчёта Delphi" индекс VSTOXX внезапно подпрыгнул с 19.4 до 38.7. Этот показатель, который на европейских рынках давно прозвали "индексом страха", всполошился, словно нервный зверёк, почуявший запах надвигающейся бури.

Когда стрелка поднимается выше 30 – в воздухе уже звенит тревога, как дрожащая струна. Выше 50 – начинается настоящая финансовая паника. Теперь же он замер на отметке 38.7, словно тяжёлый, липкий комок напряжения в горле.

– Можно ли сказать, что рынки охвачены паникой? – спросили аналитика.

– Нет, не совсем. – Он говорил спокойно, но пальцы у него постукивали по столу, выдавая напряжение. – Взрыв активности пришёл от толпы розничных игроков, которые ринулись покупать путы. Особенно глубоко вне денег. А такие скачки неизбежно взвинчивают волатильность.

– Значит, этот "страх" слегка надут?

– Именно так.

Средства массовой информации жужжали ровно, даже лениво, будто старая вентиляция в редакции: мол, нечего паниковать, обычные "шалости розничных инвесторов".

Но в тот момент смотрел не на заголовки – а на календарь. Пальцы сами собой провели по гладкой засечке даты.

"Пора..."

И вскоре, словно треск рвущейся ткани, прилетела взрывающая тишину новость.

"Загорелся Индикатор Дефолта"... Агентство S&P понижает рейтинг Греции до CCC"

Греция рухнула в категорию мусорных облигаций. Впервые за всю историю ЕС страна опустилась так низко.

Вот тогда-то инвесторы и опомнились. Их легковое "разберутся как-нибудь" испарилось, как пар на раскалённом асфальте. Начался огромный, тяжёлый, гулкий отток капитала.

Страна шаталась, будто старый дом, в котором под ногами скрипят доски и пахнет сыростью.

"Доходность 10-летних облигаций превышает 14%"

"Индекс ASE рухнет на 40%"

"Акции крупнейших банков падают на 60%"

ЕЦБ попытался тушить пожар: плеснул на огонь 90 миллиардов евро экстренной ликвидности. Но это было похоже на попытку остановить лесной пожар стаканом воды – жар только усиливался, воздух дрожал.

Оставался единственный реальный способ остановить бедствие: договориться.

"Министры финансов Еврозоны собираются на экстренное заседание... Обсуждают выход из греческого кризиса"

Естественно следил за новостями так, будто слушал, как потрескивают стены в доме, готовом вот-вот рухнуть.

Греция – обветшалое строение, где штукатурка осыпается с потолка. А внутри, по комнатам, носятся голоса.

ЕС недовольно стучит по столу:

"Мы уже дважды платили за ремонт. Сколько можно латать чужие стены?"

Греция огрызается:

"С какой стати вы вмешиваетесь в наш дом? Кто вам дал право учить нас вести хозяйство?"

А розничные инвесторы стоят наверху, на крыше, и слушают, как под ними хрустят балки. Воздух пропитан пылью, запахом старого дерева и надвигающейся беды.

Что они выберут: сбежать вместе, временно забыв обиды, или продолжат ругаться, уговаривая себя, что "ещё держится"?

"Они продолжают спорить", – решил уверенно.

Именно так всё разворачивалось в моей прошлой жизни.

Да, теперь события могут немного измениться из-за "эффекта муравья", которого создал... но если бы проблему можно было исправить так легко, всё бы не зашло настолько далеко.

"Греция не может отступить."

Жёсткая экономия – тяжёлое лекарство. Южная Корея и одного кредита от МВФ не забывает до сих пор, а Греция пережила два почти подряд. Народ вскипел, улицы Афин наполнились криками, плакатами, запахом дыма и жаром гнева: третьей "затяжки пояса" не будет.

Их новое правительство взойшло на вершину именно на этой волне.

А Германия и весь север Европы только холоднее стали:

"Мы помогли дважды. Бесконечно это не может продолжаться."

Политический ветер дул всё в ту же сторону, как и в моих прежних воспоминаниях.

"Греция объявляет референдум по мерам жёсткой экономии..."

Сначала раздался сухой, почти металлический щелчок новостных лент: кредиторы выкачали ультиматум, будто хлопнули дверь – "Никаких продлений срока выплат". После этого в воздухе словно прошёл электрический разряд.

А когда объявили результаты греческого референдума – 64.7% сказали решительное "нет" жесткой экономии – казалось, над Европой повис тяжёлый горький запах горящего порта, старого дизеля и мокрой пыли. Кризис, который уже давно тлел, вновь вспыхнул ярко-оранжевым пламенем.

С этого момента Греция покатила вниз, как старый ржавый лифт, потерявший тормоза.

"Премия по CDS Греции взлетает на 80%, угроза национального дефолта"

"Банковская система близка к обвалу, премьер приказывает немедленно закрыть банки"

"Фондовая биржа приостанавливает работу на месяц"

Шум шагов по плитке правительственных коридоров сменился гулкой тишиной: премьер приказал запечатать банковские двери и заморозил все зарубежные переводы. Даже банкоматы, стоявшие на жаре под сухим средиземноморским ветром, не выдали ни крошки наличности. Те самые 60, разрешённые к снятию, стали миражом – цифрой без физического содержания.

Экономика застряла, будто попала в густой песок. Импорт остановился – и супермаркеты, где раньше пахло свежими фруктами и оливковым маслом, теперь отдавали пустыми коробками и холодной картонной пылью. Люди хватали всё, что ещё оставалось на полках, слышно было нервное шуршание пакетов, тяжёлое дыхание, шум толпы. На улицы выплеснулись безработные – усталые, злые, пахнущие потом, дешёвым табаком и безысходностью.

И вот среди всего этого хаоса, в глубинах интернета поднялся странный хор веселья, словно кто-то включил музыку на обломках павшего города.

– 728% прибыли на путях NBG. Теперь самое сложное – выбрать цвет моего Ламбо.

– Дневник розничного инвестора WSB: Греция вообще где? Поставил всё на отчёт Delphi, взял деньги тестя из пенсионного фонда. Жена подала на развод. Тесть позвонил – хочет пятерых внуков, похожих на меня.

– Кто сомневается в великом Шоне-мужике – вечно будете рабами зарплаты. Вкладываюсь по максимуму!

Это были они – розничные игроки. Маленькие "муравьи", которые заработали состояние на падении целой страны и хвастались этим так громко, будто это подвиг.

Конечно, не всем такая пляска на руинах пришлась по душе.

Греческий премьер, красный от злости, будто только что вышел из комнаты, где ломали мебель, обрушился на них с обвинениями:

– Это вина безответственных зарубежных спекулянтов! Они вызвали массовый отток капитала и лишили нас драгоценного времени, необходимого для переговоров!

Они свалили обрушение дома на муравьёв, сидящих на крыше.

И Евросоюз поддакнул тем же уставшим, официозным тоном:

– Срыв переговоров во многом вызван всплеском волатильности, созданным спекулятивными силами. Это усилило нестабильность и сузило пространство для конструктивного диалога.

Но всё это – не более чем попытка оправдать собственную беспомощность.

Крепкий, ухоженный дом не рушится от того, что на крыше бегают муравьи.

А муравьи? Они стояли гордо, размахивая своими достижениями:

– Вопрос: кто виноват?

1. 30 лет коррупции в греческом правительстве (3%)

2. Жесткая политика ЕС (2%)

3. Розничные инвесторы, шортившие с плечом 9999х (95%?)

– Преступления розничников: распознали некомпетентное правительство, заработали денег и выложили скриншоты.

– Когда зарабатывают фонды – это "грамотное управление рисками". Когда зарабатывают мы – "дестабилизация рынка, антисоциальное поведение, азартные игры".

Но спорить было бессмысленно. Общество уже заклеило розничных инвесторов как угрозу.

И в самом центре этого вихря стоял я.

– Невольно начинаешь задумываться: отчёт Delphi был прогнозом – или сам создал реальность?

– Доклад Сергея Платонова собрал столько последователей, что именно он мог вызвать события, которые иначе бы не случились. Может, это не предсказание будущего – а пророчество, которое исполнилось лишь потому, что было произнесено?

"Самосбывающееся пророчество..."

И тут почувствовал, как уголки губ сами собой приподнялись. Гармония. Так и должно быть.

Ведь у древних дельфийских оракулов так всё и работало.

Достаточно вспомнить классический пример – трагедию Эдипа.

"Услышав предсказание "ты убьёшь своего отца и женишься на своей матери", Эдип, охваченный ужасом, покинул дом, чтобы бежать от судьбы. Но по дороге случайно убил родного отца и, не зная того, женился на собственной матери, царице Фив Иокасте.

Если бы он просто остался дома?

Если бы не бросился бежать?

Тогда трагедии не случилось бы никогда. Но, пытаясь избежать рок, он сам шагнул прямо в пасть судьбы.

Вот почему самосбывающиеся пророчества пугают сильнее любых других: человек сам превращается в орудие своей гибели.

И потому мне было приятно слышать эти подозрения. Легкое, тёплое удовлетворение поднималось внутри, как пар над чашкой крепкого кофе.

Но вслух, конечно же изображал праведное возмущение:

– Меня обвиняют несправедливо! Мы лишь открыто предоставили информацию. Мы не пытались манипулировать рынком или направлять его. Напротив, хотели предотвратить худшее, заранее предупредив всех.

Пустая словесная ширма. Её хватало только на то, чтобы прикрыть лицо от ветра.

Средства массовой информации продолжали раздувать огонь, словно подносили к нему новую охапку сухой травы.

– Появляются сообщения, что Министерство юстиции и SEC могут открыть расследование. Если будет обнаружен сговор, Сергея Платонова и Институт Delphi могут привлечь за манипуляции рынком.

Теперь дело пахло не просто скандалом – прокурорскими папками и разогретыми лампами допросной.

"Ну вот, пламя разгорелось всерьёз."

Греция в тот момент напоминала сухую, потрескавшуюся древесину, пропитанную солнцем и готовую вспыхнуть от одной искры. В воздухе стоял запах перегретого камня, солёного моря и надвигающейся катастрофы. Казалось, самое время переходить к следующему шагу.

Но внезапно дверь распахнулась с таким грохотом, что стены дрогнули. Раздался резкий хлопок, и в кабинет ворвался Джерард – бледный, словно его только что выдернули из ледяной воды, едва переводящий дыхание.

– Эй! Что здесь, чёрт побери, происходит?!

С тех пор как Джерард взвалил на себя тяжесть должности временного генерального директора, он жил будто в бесконечном марафоне: дни проливали на него свет белых офисных ламп, ночи запахивали его бумагами и звонками. Однако, несмотря на завалы дел, он знал буквально всё о каждом шаге Сергея Платонова.

Да и невозможно было не знать – вокруг Сергея стоял такой шум, что хоть беруши в уши вставляй.

Сначала всё выглядело почти как безобидная история, забавный эпизодик, который забудется через неделю. Но однажды его отец, Рэймонд, обрушился на него шквалом звонков – таким яростным, что телефон в руках Джерарда вибрировал, как разъярённая оса.

– Что там происходит, объясни немедленно?!

Джерард открыл присланное фото – и замер.

На экране сиял снимок: Сергей Платонов и Рейчел, оба нарядные, сияющие вспышками камер, на красной дорожке MET Gala. В воздухе вокруг них словно чувствовался запах дорогих духов, шелеста платьев и всполохов вспышек.

– Они... в общественном месте... вот так... вдвоём?!

Джерард, сдерживая раздражение, заверил отца, что сам проверит ситуацию, и тут же позвонил Рейчел.

Но её голос был спокойно-ровным, будто она рассказывает о походе в магазин.

– Сергей сказал, что это самая большая услуга, о которой он когда-либо попросит меня...

– Услуга? – переспросил Джерард, чувствуя ледяной укол в груди.

Если бы речь шла о шантаже – другое дело. Но шантажировать Рейчел? Сергей Платонов? Нет, такое сложно представить.

– Сергей никогда бы меня не шантажировал, – сказала она уверенно.

"Неужели существует человек, которого Сергей не стал бы шантажировать?" – с горечью подумал Джерард.

И всё же... Он вспомнил инцидент с охотой на лис. Тогда Сергей был к Рейчел подозрительно внимателен, слишком мягок, почти заботлив.

"Неужели он пытается подкатить к моей сестре?"

Кровь у него начала кипеть. В груди что-то глухо стучало, будто он сжал в руках раскалённый металл. Да, часть злости была из-за Рейчел – но лишь часть. Основная же боль заключалась в другом: Сергей обещал помочь ему получить наследство, занять настоящий пост главы компании... а вместо этого таскался по гала-вечерам рядом с его сестрой.

Но вскоре грянул новый удар:

"Правда об "Азиатском Гэтсби"! Афера разоблачена Касаткой!

Страна взорвалась заголовками. Интернет кипел. Газеты шипели. Риторика стала острой, как лезвие.

Говорили о том, как Сергей вскрыл аферу мошенника, обманувшего и Голливуд, и Уолл-стрит.

"Сначала Терранос, потом Валиант, теперь ещё и Азиатский Гэтсби?" – выдохнул Джерард. Похоже, разоблачения для Сергея были чем-то вроде спортивного хобби: вышел, увидел, уничтожил.

И Джерард закипал.

"Сейчас ли время?! Ты говорил, что поможешь мне стать CEO... а теперь?!"

Но всё перевернулось, словно кто-то рванул скатерть со стола.

"Правосудие или манипуляция рынком... Сергея Платонова обвиняют в использовании госорганов в личных целях"

Пошли слухи: мол, Сергей разоблачил аферу не ради справедливости, а чтобы заработать, используя госструктуры как инструмент давления.

"Вот это... плохо, очень плохо."

Для Джерарда это звучало как удар молотом. А вскоре в его офис ворвался дядя – запах дорогого одеколона, скрип кожаной подошвы, насмешка на губах.

– Надо было быть осмотрительнее в выборе друзей. Как мы можем назначить тебя официальным CEO, если ты связан с человеком, который устраивает такой беспорядок?

Семья уже знала, что Джерард заключил союз с Сергеем Платоновым. И теперь стоило лишь Сергею получить клеймо вроде "бесстыдного типа, использующего госорганы ради наживы", или просто слегка подпортить репутацию – и под удар попадал не только он.

Даже Маркиз, запустивший с Сергеем проект ветеринарной клиники на базе ИИ, мог оказаться втянутым в эту трясину.

А если Маркиза утянет вниз – то Джерард должен будет "взять на себя ответственность", как сам громко обещал.

То есть – попрощаться с креслом генерального директора.

В бешенстве, с пальцами, белеющими на телефоне, он снова набрал Сергея.

Но тот звучал так спокойно, будто сидел где-то с чашкой чая и слушал музыку.

– Да не переживай ты так. Всё идёт по плану. Кстати, помнишь данные по ветеринарной клинике, о которых я говорил...?

Слова Сергея текли легко, невозмутимо. А Джерард слышал лишь биение крови в висках, словно в кабинете работал гигантский неисправный метроном.

Он просто оборвал звонок, бросил на меня целую кучу работы, связанной с ИИ – без объяснений, будто щёлкнул выключателем. А потом... после этого почувствовал, как внутри медленно стучится дым отчаяния.

В тот момент Джерард начал терять надежду. Это же Сергей Платонов – человек, которого невозможно загнать в угол. Он обязательно что-то задумал. И даже если действительно грядёт кризис – Сергей был тем, кто мог выйти из него победителем... но только на своих условиях.

А через несколько недель – Греция рухнула. Как карточный домик, сотрясённый мощным ударом. Газеты, телевидение, интернет – зазвучал обвинительный хор:

– Всё это – дело рук розничных инвесторов и Сергея Платонова! – кричали заголовки. Его считали тем, кто обрушил целую страну.

В таких условиях просто не мог сидеть сложа руки. Сколько бы ни допытывался по телефону, сколько бы горячих упрёков ни бросал – Сергей контролировал ситуацию, как дирижёр, разворачивающий оркестр. И отвечал тихо, спокойно, словно это была просто формальность.

Это вынудило меня приехать к нему – лицом к лицу. Резко распахнул дверь, голос дрожал от ярости:

– Что, чёрт побери, здесь происходит?!

А он сидел в кресле, спокоен и невозмутим, будто мир – лишь шахматная доска, а мы — пешки.

– Ты, наверное, занят – не стоило ехать. У меня всё нормально, так что займись своими обязанностями.

– Обязанностями? – я смеялся сквозь злость. – Ты действительно думаешь, что смогу сейчас работать?! Один только факт, что с тобой связан – может лишить меня всего!

– Из-за меня? – он вздохнул, как будто его огорчила детская обида. – Ты знаешь, какое сейчас отношение к Институту Delphi. Если узнают, что тебя поддерживаю – ты не выживешь.

Мне стало больно. Его голос звучал мягко, почти ласково, а я ощущал, как по телу катится лед.

– "Постыдная организация", ты говоришь... Всё, что сделал – делал ради тебя, Джерард. Услышать такое от тебя... это ранит.

– Ради меня? – непроизвольно рассмеялся – холодно, злобно. – Как, чёрт возьми, это должно помочь мне?!

Он спокойно пожал плечами.

– Разве ты не понял? Ведь говорил же, что добьюсь, чтобы ты стал CEO – любым способом. Сейчас именно это и делаю.

Я смотрел на него, глаза жгли, слова застряли в горле.

– О чём ты вообще говоришь?! Как это связано с Маркизом?! Как ты можешь рушить целую страну, лишь чтобы получить управление компанией – разве ты не видишь масштаба?

Он едва заметно улыбнулся.

– Ты правда думаешь, что Греция рухнула из-за меня? На самом деле лишь указал на страну, которой уже суждено было пасть.

– Что?! – воскликнул, держа сердце в кулаках. – Но теперь весь мир охвачен хаосом!

– Обвинять меня – слишком просто. Не волнуйся. Даже если Министерство юстиции и начнёт расследование, им не удастся доказать ничего.

– Дело не в приговоре! – кричал в тот момент дрожа. – Твоё отношение – вот в чём дело! Ты хотя бы мог бы выразить сожаление, сказать, что будешь осторожнее. После такого международного скандала – это было минимум.

Сергей качнул головой.

– Не сейчас.

– Не сейчас?! – я глаза открыл как у сумасшедшего.

– В Востоке есть старая поговорка: "Один раз – случайность, два – совпадение, три – судьба".

Его губы растянулись в том самом странном, жутковатом полуулыбке, которая до сих пор сводила меня с ума.

Это звучало нелепо. Но в нём было что-то зловещее, как шорох занавесок перед грозой.

– Три раза? Ты серьёзно хочешь сделать это трижды?

– Именно так. Мы только на стадии "совпадения". Чтобы доказать силу Прорицания Delphi, нужно минимум три примера.

– Ты... ты сошёл с ума...!

Я упал на колени, а слова выпадали изо рта беспомощно.

Сергей поднял голову – спокойный, хладнокровный.

– Да, первый раз была Малайзия.

Это был факт. До Греции уже была одна страна, которая пала из-за Delphi: разоблачённая афера, связанная со слеш-фондом премьер-министра.

– А вторая – Греция.

– А третья... – голос в моих ушах звучал как глухой раскат грома.

Непроизвольно закрыл глаза, мерзкий холод провалился в грудь.

Когда открыл – Сергей улыбался.

– Конечно. Говорил же тебе с самого начала, не так ли?

Я не в силах был говорить. Сердце стучало, будто последний барабан перед битвой.

Он окончательно обезумел.

Когда человек теряет рассудок – никакие аргументы, никакие мольбы не вернут ему разум.

На следующий день Институт Delphi опубликовал новый отчёт. Он назывался просто:

"Black Swan Alert: Potential Crash of the Chinese Stock Market"

Предупреждение о черном лебеде: потенциальный крах китайского фондового рынка

Третья страна, которую Сергей Платонов собирался "уронить"...

Была ничем иным, как Китаем.

Воздух в кабинете был густой, тяжёлый, словно пропитанный запахом пересушенной бумаги и металлическим привкусом разогретого серверного оборудования. На столе лежал свежий доклад Института Delphi – плотная пачка листов, пахнувших свежей типографской краской и тревогой, едва уловимой, но настойчивой, как запах озона перед грозой.

На обложке чёрными буквами тянулось название:

"The Fall of the Dragon: The Collapse of Chinas Stock Market Bubble"

Падение дракона: Лопнул пузырь на фондовом рынке Китая

Спокойно развернул страницы, и из них будто вырвался ледяной ветер – каждый абзац, каждая строка звенела напряжением, похожим на вибрацию рельс перед тем, как по ним промчится поезд.

В самом начале отчёта словно прозвучал приговор:

"Китайский фондовый рынок – раздутый пузырь, готовый лопнуть в ближайшее время."

Delphi не просто бросил слова в пустоту. Он подкрепил их фактами, холодными и тяжёлыми, как свинцовые гири.

"Стремительный рост рынка не имеет ничего общего с естественным развитием экономики. Это не здоровое движение капитала, а искусственный мираж, созданный руками государства. Государственные корпорации и суверенные фонды закупают акции в промышленных масштабах. Ограничения на фондовые инвестиции ослаблены так, что рынок вздулся, как перегретый блин на сковороде."

При чтении казалось, что из текста поднимается запах дешёвых чернил и нервного человеческого пота – будто тысячи людей напряглись разом.

Но самое страшное ждало дальше.

Delphi утверждал, что китайское правительство отравило рынок куда сильнее, чем можно было представить.

"В данный момент около 80% участников фондового рынка Китая – частные инвесторы. Многие из них торгуют, используя колоссальное кредитное плечо."

После того как государство резко ужесточило контроль над недвижимостью, толпы инвесторов, лишённые привычных вариантов вложений, ринулись в фондовый рынок. Вдобавок власти ослабили регулирование маржинальной торговли. Теперь такие сделки занимают почти 10% от всей капитализации рынка."

Я словно слышал, как эти строки шуршат, как сухие листья, предупреждая о приближении пожара. Огромный рынок держался на плечах неопытных игроков, до отказа нагруженных долгами и иллюзиями быстрого обогащения.

Эта смесь – страх, азарт, кредиты – пахла горелым керосином. Любая искра могла привести к взрыву.

Тем временем индексы, как бешеные, росли вверх: за один год Shanghai Composite подскочил с двух тысяч с небольшим до 5 166 пунктов. Толпы людей, привлечённые шёпотом о "150% прибыли за год", вливали в рынок всё, что имели: сбережения, кредиты, иногда – последние средства.

Пузырь рос, дрожал, натягивался, как мыльная плёнка, на которую дует ветер.

Delphi словно тихим, почти шёпотом говорил:

"Этот пузырь вот-вот треснет. Когда он лопнет, частные инвесторы начнут панически скидывать акции. Сработают маржин-коллы, и рынок полетит вниз так стремительно, что остановить его будет невозможно. Это случится не позже конца этого лета."

А на календаре уже стоял июль. Знойный, липко-жаркий, с воздухом, который дрожал, как раскалённое железо.

Значит, катастрофа подберётся вплотную через месяц... может, через два. Никакой отсрочки, никакой пощады.

Но самым страшным оказался заключительный абзац, холодный, как прикосновение мрамора:

"Китайское правительство попытается вмешаться. Но чем активнее будут его попытки, тем крупнее станет будущая катастрофа. Мы рекомендуем позволить рынку упасть естественным путём."

Когда дочитал, мне показалось, что страницы под пальцами чуть вибрируют – будто предвкусывая ту самую волну, которая уже поднимается где-то далеко, но скоро ударит, и ударит так, что дрожь пройдёт по всему миру.

Гулкие коридоры мировой экономики дрожали, пока свежий доклад Delphi расходился по информационным лентам, как запах грозы перед проливным ливнем. В нём звучала почти шаманская рекомендация: Китаю лучше не бороться с судьбой, а уступить ей – иначе каждый жест противостояния превратит падение в катастрофу, от которой будет звенеть металл и трескаться бетон.

Эксперты по всему миру зашумели, и этот шум напоминал спор чаек над прибрежной свалкой: резкий, нервный, противоречивый.

Одни ворчали:

"Да, пузырь есть – слепому видно. Но назвать месяц и даже сезон его лопанья... это уже из мира гадалок. Экономический пузырь – не свеча, у которой есть фитиль и видимый остаток. Это живое существо, питающееся человеческой жадностью. А жадность не подчиняется логике."

Другие, более осторожные, напоминали:

"Китай – не обычный рынок. Государство там не наблюдатель, а дирижёр. Оно может одним жестом поднять цены, другим – заморозить торговлю. К западной логике этот механизм не подходит. Даже если пузырь треснет, Пекин не станет сидеть сложа руки."

И всё же нашлись те, кто увидел в докладе не просто анализ, а нечто куда более опасное:

"Это может быть самосбывающаяся судьба. Стоит Delphi что-то сказать – и десятки тысяч игроков уже напрягают пальцы над клавиатурой. Страх и алчность двинутся в массы, и именно они создадут обвал, которого Delphi предсказал."

Так и было. Люди не столько верили аналитике, сколько власти имени Delphi – и имени Сергея Платонова. Стоило ему бросить взгляд в сторону Китая, и по сети пошёл тот самый электрический треск, как будто тысячи трейдеров одновременно вонзили вилки в розетки.

WSB вскипел мгновенно. В комментариях стоял треск безумного восторга, запах горячих проводов и спален, где кто-то в панике продавал мебель ради нового шорта.

- Пророк Delphi снова с нами! Слил всё подчистую! Студенческие кредиты, привет!
- Разбил копилку, почку продал, зато теперь готов!
- Малайзия и Греция были разминкой... Китай – настоящая ядерная боеголовка!
- Взял тайную ипотеку, жена не знает, а я уже в YANG 3x по самой макушке!

Инструкция для обезьян, впервые ставящих против Китая:

1. Шорт по FXI – справится даже ребёнок.
2. Пути на BABA/JD/BIDU – сидят как раз на мостах, которые вот-вот рухнут.
3. YANG 3x – выбор настоящего примата.

Держать до тех пор, пока мама не оттащит от компьютера!

За считанные часы толпы игроков направили свои деньги, как прожекторный луч, в сторону Китая. В воздухе почти слышалось, как щёлкают предохранители – тысячи мелких капиталов готовы были выстрелить в одну точку.

Но Китай не стал молчать.

Из Пекина потянулся холодный, металлический голос – ровный и плотный, как тяжёлый занавес:

"Китайский фондовый рынок стабилен. Недавние колебания – лишь кратковременная коррекция."

Но за официальной речью чувствовался запах озабоченности – едва уловимый, но неприятный, как дымок от тлеющей проводки.

Правительство Китая уже давно ставило Delphi на особый контроль. После греческого кризиса, когда один единственный доклад перевернул половину мира, упоминание Китая звучало как предвестие землетрясения. Пекин поспешил отвергать даже намёк на пузырь и свернул стрелки обвинений прямо на Delphi:

"Мы фиксируем движение сил, стремящихся дестабилизировать наш рынок. В любой стране подобные действия считаются угрозой финансовой безопасности. Если такие атаки продолжатся, это может выйти за рамки простой рыночной ситуации и негативно сказаться на экономическом сотрудничестве между Китаем и США. Настоятельно рекомендуем американским властям не оставаться в стороне."

И воздух, словно ощущая смысл этих слов, стал плотнее и тяжелее – как бывает перед бурей, когда на коже ощущается липкий холодок, а все звуки вокруг становятся слишком громкими.

Китай встретил происходящее жёстко, словно расправив плечи перед надвигающейся бурей, и потребовал от США немедленно приструнить "Дельфов" – чтобы те больше не смели разбрасываться подобными опасными пророчествами. В этих требованиях ощущался сухой запах раскалённого металла, как перед выстрелом, – напряжение было почти осязаемым.

Вашингтон ответил официально, холодно, будто стараясь не поддаваться этому нажиму.

– Доклад "Дельфи" – всего лишь частное мнение, и Соединённые Штаты уважают свободу слова журналистов и аналитиков рынка.

– Однако мы выражаем обеспокоенность влиянием доклада на финансовые рынки и сообщаем, что соответствующие регуляторы проведут всестороннюю проверку.

Заявление звучало как попытка пройти по тонкому льду: с одной стороны – свобода слова, с другой – слишком громкие подозрения в манипуляциях.

Правительство США дало понять, что заставить "Дельфи" замолчать оно не может. Но одновременно, словно приглушённым ударом молота, последовала другая новость: вокруг аналитического центра давно витали слухи о возможной игре на понижение, и теперь начнётся официальное расследование.

Спустя считанные дни воздух наполнился заголовками, звенящими как тревожные колокола:

"SEC берётся за Институт Дельфи... Предсказание или манипуляция рынком?"

"Доклад Дельфи разжигает споры о рыночных махинациях... SEC проверяет возможность "намеренного нагнетания страха"

Комиссия по ценным бумагам и биржам действительно начала копать под "Дельфи". Но...

Пока чиновники раскладывали бумаги по папкам, толпы розничных инвесторов, особенно разъярённая и восторженная публика с WSB, уже неслись в бой, будто сорвавшиеся с цепи. Они слепо верили силе доклада и смело ставили против китайского рынка, словно бросая монеты в грохочущую рулетку.

Результат не заставил себя ждать:

"Акции Alibaba, Tencent и других гигантов рушатся... Минус 20% капитализации"

"Индекс Shanghai Composite падает на 15%... Волна паники усиливается?"

"Гонконгский Hang Seng падает следом. Ожидаются дальнейшие провалы?"

Биржевой воздух дрожал, будто от перегретого асфальта, над которым колыхается марево. Китайский рынок пошёл ходуном.

Но на этом неприятности для Пекина не заканчивались. В тени биржевых сводок зрела беда куда серьезнее:

"Массовый отток иностранного капитала... Бегство ускоряется"

"Иностранные инвесторы покидают Китай, как уходит отлив... Мировые фонды переходят к осторожности"

Ситуация пахла не просто тревогой – настоящим холодным страхом. Из Китая уходили не американские розничные игроки – тем вообще особо нечего было выводить, они редко держали деньги в китайских акциях.

Исход устроили суверенные фонды, крупные инвестиционные фирмы, хедж-фонды – те, кто действовал не порывами, а холодным расчётом.

Они не верили "Дельфи". Они верили собственным моделям риска.

"Да это же чистая игра в рулетку, не иначе..."

"В конце концов всё сведётся к тому, чьи усилия окажутся мощнее – вмешательство Китая или хаос, запущенный Дельфи. Этого никто не предскажет".

"Было ясно с самого начала: пузырь стоял на глиняных ногах..."

Предугадать судьбу такого пузыря было невозможно. И теперь воздух уже пах не прогнозами, а надвигающимся обвалом, который вот-вот сорвётся, как снеговая лавина, после первого лёгкого толчка.

Это противостояние едва ли можно было назвать естественным – оно возникло не как буря, вызванная силами природы, а как тщательно подогреваемая гроза, где искры летели от каждого слова и жеста. Сергей Платонов и китайское правительство стояли друг напротив друга, будто на шаткой доске, под которой вздувался огромный мыльный пузырь, переливающийся всеми оттенками опасности. Достаточно было малейшего толчка – и всё могло разлететься на липкие брызги.

Предугадать исход этой схватки было так же трудно, как услышать шаги в тумане, где звук гложет ещё до того, как рождается.

Крупнейшие фонды и суверенные капиталы, дорожившие стабильностью, первыми почувствовали запах озона в воздухе – предвестник грозы – и поспешили вывести деньги, будто спасая их из горящего дома. Хедж-фонды, осторожные как кошки перед прыжком, тоже начали отступать, но не все руководствовались страхом. Некоторые притихли не из-за опасения, а из-за хищного интереса, прислушиваясь к каждому шороху, как охотники, ждущие, когда зверь сделает неверный шаг.

"Если станет ясно, кто перетягивает канат..."

"Это может оказаться шансом, который выпадает раз в десятилетие."

Они следили за ситуацией так внимательно, что казалось – слышно, как хрустят страницы отчетов в их руках. При малейшем признаке перевеса они были готовы сорваться с места и поставить на победителя, как игроки, затаившиеся у зелёного стола в казино.

Чем нестабильнее становился рынок, тем заманчивее выглядела возможная добыча.

Если бы Сергей Платонов начал подавлять Китай? Хедж-фонды не колеблясь сделали бы ставку на обвал китайского пузыря, усилив его падение, как удар хлыста.

Если бы Пекин продемонстрировал силу? Они сидели бы тихо, ждали, когда внизу дна ударится последняя цена, и с хищной точностью скупали бы акции, пока те пахнут дешёвым пеплом.

Уолл-стрит наблюдала за китайским рынком затаив дыхание; в офисах царила тишина, нарушаемая только щелчками клавиш и гулом кондиционеров, гонящих по комнатам запах озабоченной перегретой техники. На лицах трейдеров появлялись странные улыбки, будто они снова встречали призрака, который много лет назад уже проходил мимо.

"Невероятно, что мы это видим."

"Прямо как в ту самую историю..."

Эта ситуация напоминала почти невозможное – дуэль одного человека с целой державой. Такое случается раз в поколение. Почти не случается.

Точнее – случалось однажды.

"Ситуация напоминает атаку Сороса на фунт..."

Масштабы, конечно, другие – но устройство дуэли было пугающе похоже.

В 1992 году фонд Джорджа Сороса продавал британский фунт так сильно, что Банк Англии рухнул на колени. Тогда мир увидел, как один человек может сокрушить мощь государства. Этот пример стал легендой, которой потом пугали студентов-экономистов.

"Мы были уверены, что такого больше никогда не будет..." – думали многие, ощущая, как по спине пробегает холодок.

Но вот снова один человек бросает вызов гигантской стране. История, которую считали невозможной, внезапно решила повториться – как тень, вернувшаяся вопреки всем законам логики.

Мир замер, будто кто-то выключил звук. И в эту гнетущую тишину первой ударила именно китайская сторона – быстро, решительно, с тем звоном, с которым опускают железный засов на ворота перед надвигающейся бурей.

Глава 4

Тем временем, пока по Уолл-стрит гулял горячий, пахнущий разогретым металлом воздух торговых залов, имя Сергея Платонова будто отражалось от стеклянных стен, вибрируя, как натянутая струна. Оно звучало в гулком рое голосов, в шёпоте брокеров, в нервном постукивании клавиш.

– До какой же черты он собирается дойти?

– Бывали ли вообще прежде такие чудовища?

Финансовая история Нью-Йорка и без того была усыпана легендами. Сорос, который поставил Банк Англии на колени, заставив фунт скрипеть под его нажимом. Ковнер, чутко услышавший дрожь в российском госдолге перед дефолтом. Бэрри, предвидевший, как распылится ипотечный рынок, словно трухлявый домик из спичек.

Но рядом с этим Сергей Платонов выглядел так, будто пишет уже четвертую часть собственной эпопеи.

Эпикура. Теранос. Валент.

Три расколотые, трещащие, громко упавшие главы.

И вот теперь – страны. Целые. Будто он нашёл вкус в том, чтобы выбивать фундамент у государств, как будто это просто высокие домино.

После молниеносного крушения Малайзии и Греции он повернул голову в сторону КНР.

– Каким бы отчаянным ты ни был... Китай?

– Это за гранью безумия.

Китай – монолит, стоящий рядом с США как один из двух столпов мировой экономики. Китай – страна, где государственная машина могла сжать рынок железной хваткой, как тиски. Порой даже более жесткая, чем США.

А он решил ударить туда прямо, не обходя стороной, не выжидая.

– Вот бы сейчас попасть работать в Pareto. Хоть ассистентом...

– Интересно, у них вообще бывают вакансии?

Pareto Innovation теперь была магнитом, вокруг которого кружилась вся Уолл-стрит. Набор – только по закрытым каналам, в основном через забытые студенческие знакомства и семейные связи. Очередь туда растягивалась на месяцы, а то и годы.

– Я бы согласился работать без зарплаты...

– Ты – бесплатно?

– Тут дело не в деньгах! Это шанс увидеть рождение нового Сороса своими глазами!

В глазах трейдеров вспыхивали алчные огоньки, как у людей, которые чувствуют запах истории.

История Сороса, решившего давить британский фунт, была особой притчей в финансовом мире. До начала девяностых хедж-фонды считались чем-то вроде хищников-падальщиков: быстрые, рискованные, но мало кому интересные. Рынок принадлежал тяжеловесам – пенсионным фондам, институциональным гигантам, консервативным титанам.

Но потом... У Сороса получилось. Получилось так громко, что стены Блумсбери дрожали, когда фунт рушился.

И в то мгновение статус хедж-фондов изменился. Они стали не хищниками, а охотниками. Не падальщиками, а крупными зверями, которых уважали и опасались.

Но важнее было другое.

Сорос перевернул само представление о том, для чего хедж-фонды существуют. Они не просто гонятся за прибылью – хотя прибыль всегда их кровь и воздух. Они восстанавливают равновесие там, где рынок нарушен. Выправляют то, что искажено, как бы грозно это ни звучало.

Тогда Великобритания отчаянно удерживала курс фунта в рамках механизма европейских валютных ограничений – ERM. Но это противоречило всем законам рынка.

Империя пыталась удержать потрескавшуюся арку, которая уже пахла сыростью и пылью разрушения.

И теперь, в 2015-м, Уолл-стрит видела нового человека, готового ударить в ту же самую точку – туда, где государственный камень уже начал вибрировать под давлением.

Сорос, обрушивший британский фунт, показал миру, как искусственные, пахнущие чиновничьей пылью и страхом меры рано или поздно рассыпаются под суровым ветром рынка. Его удар по фунту стал напоминанием, резким, как удар плетью:

– Кто идет против логики капитала – тот будет наказан рынком.

Эта фраза стала почти негласной заповедью в мире хедж-фондов, чем-то вроде татуировки, скрытой под деловым костюмом, но ощутимой каждому, кто когда-либо делал ставку против государства.

И по этой логике Китай давно просился под раздачу.

– Пора бы, чтобы кто-то их проучил. Они сырым мясом кормят рынок, искривляют принципы капитализма сильнее всех.

– Тут даже сравнивать с Британией смешно.

Китайский фондовый рынок был словно гигантская декорация, яркая, но картонная. Миллионы мелких инвесторов, тонны заемных денег, давление государства – всё это создавало странный, дрожащий коктейль, пахнувший перегревом, озоном и отчаянием.

И исправить эту искусственную конструкцию – задача, подходящая для тех самых "корректировщиков" рынка, каким и должны быть хедж-фонды.

Но была и другая, куда менее благородная причина, от которой у трейдеров дрожали пальцы и сладко пересыхало в горле.

– Если этот спектакль повторит историю с фунтом...

В глазах торговцев вспыхнуло хищное любопытство.

Ведь победа Сороса вдохновляла их не потому, что он был гением-одиночкой. Нет – потому что тогда победил целый цех, весь племенной круг хедж-фондов.

Они увидели трещину в старой системе, уловили один и тот же запах крови – и атаковали одновременно. И под этим совместным ударом не устояло целое государство.

– Смогли бы мы проверить это и с Китаем?

Если Сергей Платонов действительно окажется новым Соросом, то остальные фонды, вдохновлённые его шагом, двинутся вслед за ним.

А это значит, что те, кто присоединится, окажутся в самой гуще исторического момента – в той самой точке, где напишут новую легенду.

Для трейдеров это был почти наркотик. Они жаждали увидеть, как гигант покачнётся.

Но существовала одна прозаическая преграда...

– Мы не можем ввязаться, если прибыль не очевидна.

– Именно.

Они охотились не за идеями, а за цифрами. Это был закон, крепче стали.

Прибыль пока не просматривалась – значит, нужно ждать.

И потому Уолл-стрит тихо гудела, напряжённо дышала, словно коридор перед родильной палатой – все ждали сигнала.

И тут.

Резкий крик пронзил торговый зал:

– Китай сделал ход!

Комиссия по регулированию фондового рынка Китая объявила шестимесячный запрет на продажу акций крупными держателями.

Жёсткая, почти паническая мера – словно попытка заткнуть пальцем трещину в плотине. Любой, у кого было больше 5% в какой-либо компании, теперь не мог продать ни акции, ни их часть.

Пальцы трейдеров застучали по столам, воздух наполнился руганью.

– Они вообще в своём уме?! Я даже свои собственные бумаги продать не могу!

– Это не рынок – это бетонная камера!

В нормальной экономике свободная торговля – что дыхание. Запретить её означает прижать ладонью рот живому человеку.

И теперь, когда в Пекине попытались именно это, по Уолл-стрит прошёл холодок – резкий, как запах горелого пластика перед коротким замыканием.

Ты должен иметь возможность купить, когда хочешь, и продать, когда вздумается.

Только при таком свободном дыхании рынок живёт – ровно, полно, уверенно...

Но Китай только что грубо разорвал этот принцип, словно распоров полотно, которое держало систему в равновесии.

По распоряжению регулятора крупные акционеры теперь были связаны по рукам: полгода не смогут тронуть свои бумаги – хоть рынок рухнул им на голову, хоть унеси половину состояния.

Подобное вмешательство раньше казалось немыслимым – прямым, тяжёлым, как шаг сапога по стеклянному полу рынка.

– Это что же получается – прямой намёк: держитесь подальше от китайских активов?

– Вот вам истинное лицо диктатуры.

И так было ясно: западный капитал скоро развернётся и уйдёт. В инвестициях самое важное – возможность выхода. Никто не полезет в яму, если из неё нельзя выбраться по своему желанию.

Для Китая эта мера стала ударом, который будет долго звенеть в ушах всех тех, кто пытался заманить иностранцев красивыми обещаниями.

И всё же... у Пекина были свои причины так резко дёрнуть рычаг.

– А что там местные инвесторы?

– Хм... удивительно, но реагируют они в целом позитивно.

Восемьдесят процентов китайского фондового рынка принадлежало мелким частным игрокам. И вот эти тысячи и тысячи людей, с их тревожными пальцами и надеждами, встретили новость с неожиданным восторгом.

Аналитик вывел на экран поток свежих комментариев из китайских соцсетей – слова шли рывками, как будто люди писали их на бегу:

– Наш рынок теперь никогда не рухнет! Государство нас защитит!

– Государство: "Падают цены? Просто запретим продавать!" ... Гениально!

– Никаких стоп-лоссов, никаких обвалов! Теперь только вверх!

Для них крупные акционеры были всего лишь богачами из другого мира – людьми, которым трудно сочувствовать. И потому простые инвесторы почувствовали облегчение: государство стоит на страже, значит, они не одни в этом зыбком море.

– А что по индексам?

– Все пошли вверх. Шанхай, Шэньчжэнь, CSI 300, China A50... даже гонконгский Hang Seng подтягивается.

Кто недавно в панике уходил, теперь с шумом и топотом возвращался – будто толпа, уверенная, что над входом в здание появилось священное слово "безопасно".

Трейдеры на Уолл-стрит только цокали языками.

– Да, сейчас всё выглядит красиво... Но если они и дальше будут плевать на правила рынка, потом это им аукнется.

– Нам бы тоже пригодились такое. Запретили бы продажи – и не было бы ни доткомовского пузыря, ни кризиса 2008-го.

И вдруг Добби повернулся ко мне:

– Ты что-то совсем не удивлён.

Конечно нет. Как бы этого ожидал заранее.

Если уж что и могло меня удивить...

– Так это то, что они сделали это только сейчас.

Текущая ситуация разворачивалась иначе, чем в моей прошлой жизни.

Тогда, после июньского пика, китайский рынок обвалился на 30% всего за месяц. "Запрет на продажу крупными акционерами" стал тогда отчаянной попыткой заткнуть дыру.

Будто к треснувшей колонне прилепили пару железных пластин и молились, чтобы вся конструкция не рухнула под собственным весом.

На этот раз всё шло иначе, словно воздух над Шанхаем стал гуще, тяжелее, но пока не обрушился всей массой. Индекс медленно сползал вниз с начала июня, лениво, почти сонно, будто уставший зверь, которому не хватает сил на настоящий рывок. Пятнадцать процентов падения – не удар, а лишь тревожный скрип в несущей балке.

"Вот почему идея о лопнувшем пузыре так и не проросла", – пронеслось у меня в голове, будто тихий шёпот под потолком торгового зала.

По первоначальному замыслу собирался запустить Делфийский отчёт как гром среди ясного неба – заставить людей увидеть те самые "30% падения", встряхнуть их, толкнуть общественное мнение в нужную сторону. Хотел кричать: "Гляньте же на трещины! Вы что, собираетесь просто стоять и ждать, пока всё обрушится?"

Но пятнадцать процентов – это уже не трещины, а лишь лёгкая их паутина. Аргумент получался слабым, и, кроме преданных мне частных инвесторов, верящих мне скорее сердцем, чем логикой, остальные только пожимали плечами.

И я прекрасно понимал, почему рынок повёл себя иначе, чем в прошлой жизни.

В воздухе до сих пор витал лёгкий запах гари от обвалившейся Греции – следствие эффекта бабочки, который сам же и породил. Финансовый мир всегда кишит стервятниками – хищниками, чутко улавливающими запах крови в экономике. Обычно такие охотники без особых раздумий устремились бы в Китай ещё в июне, как только почувствовали слабость в костях гиганта.

Но в этот раз их унесло на другой запах – в сторону обессиленной Греции. Я сам толкнул их туда, и Китай получил несколько лишних недель тишины, словно перед бурей.

Вот почему Пекину до сих пор удавалось удерживать конструкцию без применения тяжёлых рычагов.

Но теперь, когда Делфийские прогнозы беспощадно ткнули пальцем прямо в Китай, у них больше не оставалось выбора. Им пришлось достать свои последние козыри.

И они достали их с размахом, от которого по коже пробежал холодок:

"CSFC готовится влить 3 трлн юаней для стабилизации рынка"

"В пять крупнейших фондов уже направлено 200 млрд юаней"

Китай официально объявил о намерении вбросить в рынок сумму, от которой у любого западного министра финансов бы сорвало дыхание – три триллиона юаней. Почти полтриллиона долларов.

Это был не жест доброй воли, а предупреждение, отчётливо пахнущее металлом и государственным давлением.

И чтобы показать, что это не пустые слова, они уже влили более 3,2 млрд долларов в крупные фонды. Деньги, тёплые, липкие, как клей, которым склеивают расколовшуюся поверхность.

– Называют это поддержкой... а по сути – вымогательство: "Вот деньги, покупайте акции и не задавайте вопросов!"

– И ведь продавать они теперь не смогут. Их заперли в длинных позициях, как в железной клетке.

И эта мера была абсурдной, но куда важнее было другое.

Госзаявление, набранное сухими официальными строками, сверкало одной фразой, как предупредительным ножом в ночи:

"Правительство Китая решительно пресечёт любые попытки внешнего вмешательства. Любое стремление дестабилизировать нашу экономику обречено на провал..."

"Внешнее вмешательство" – вот оно. Этот удар был направлен лично в мою сторону. Без намёков, без дипломатии.

Сообщение читалось легко, как текст, написанный ярко-красной краской:

"Мы богаты. Мы не связаны выборами, партиями, общественным мнением. Мы будем заливать трещины деньгами столько, сколько потребуется."

И это не была пустая бравада.

Китай мог себе это позволить – самый большой в мире резерв иностранной валюты, плюс власть, не ограниченная демократическими процессами.

Иными словами, их ответ был примерно таким:

"Попробуй только. Мы готовы."

А на Уолл-стрит...

То, что накрыло WSB, не было просто волнением – это была горячечная, дикая лихорадка, словно кто-то расплескал бензин на раскалённый асфальт и чиркнул спичкой.

В комментариях неслись крики, едкие шутки, бессильные стоны игроков, которые уже слишком глубоко залезли в пропасть ставок:

– Китай говорит: "Шортить запрещено!" – Ага, – огрызается Шон, – у них это называется регуляцией, а у меня – пророчеством.

– Забудьте DD, забудьте аналитику, это уже территория богов.

– Надо усредняться, пока Китай упирается... Я уже спустил пенсию родителей и сбережения тёщи. У кого есть идеи, как ещё достать денег?

– Продал последнюю почку, хирург сказал, что больше отрезать нечего. Почему, чёрт возьми, в этом теле так мало органов?

Целая армия одержимых фанатиков уже вгрызлась в рынок всеми своими накоплениями, как будто пыталась выстроить плотину из собственных жизней. Они тряслись от желания вложить ещё, открыть новые позиции, найти новые деньги, выжать последние капли надежды.

А в это время на Уолл-стрит, в прохладных комнатах с запахом кофе и металла серверных стой, лица аналитиков и сотрудников хедж-фондов стремительно серели. В воздухе стоял глухой гул напряжения.

– Это совпадение... верно?

– Слишком точное, чтобы быть случайностью...

– Как он вообще такое просчитал? Что это за алгоритм чудовищный?

– Без утечки данных такая точность невозможна.

– Да даже гений анализа не смог бы заранее угадать ВОТ ТАКОЕ вмешательство правительства – да ещё беспрецедентное.

Но всё же...

"Этого мало", – думали они, следя за изменениями рынка так, словно слушали удары сердца через фонендоскоп.

Двух сбывшихся прогнозов было недостаточно. Они ждали третьего. Третьего удара молнии. Третьего доказательства.

Тем временем в Китае внутри миллионов мелких инвесторов нарастало тягучее беспокойство, похожее на дым от жгущегося пластика.

– Я только что закупились... может, снова выйти?

– Он ведь ничего не отменил. Он просто предсказал. Что паниковать-то?

– Разве Шон не говорил, что даже эта мера не спасёт, что пузырь всё равно лопнет?

– Да это случайность. Сломанные часы дважды в день показывают правильное время.

Снаружи их уверенность выглядела громкой. Но в словах слышался дрожащий, едва уловимый страх. Он ссыпался из строк, как песок из потрескавшегося мешка.

Те, кто уже было собирался вернуться на рынок, полагаясь на железную руку государства, вдруг начали тормозить, отступать, снимать деньги тихо, почти стыдливо.

И всё же больше всех металась в панике не улица и не WSB.

Сильнейший удар пришёлся по командному центру Китая – той особой группе, где за длинным столом сидели люди из Минфина, Комиссии по ценным бумагам и Центробанка. Там пахло бумагой, кондиционером, утренним чаем и страхом.

"Шанхайский индекс на отметке 3 192. Продолжает падать."

В комнате наступила такая тишина, будто кто-то выключил кислород. Каждый взгляд был прикован к экрану, гудящему в углу, как нервный орган.

Ещё недавно СМИ Китая из каждого утюга повторяли агитационные лозунги, как будто растягивали яркие плакаты на ветру:

– Инвестировать в акции – значит поддерживать родину.

– Лучший путь к богатству для обычного человека.

– Китайский рынок недооценён! 4 000 – лишь начало, Шанхайский индекс доберётся до 10 000!

И ведь работало.

За каких-то пять месяцев в стране открыли 30 миллионов новых брокерских счетов, а индекс в июне вспорхнул до 5 166 – как воздушный змей, тянущийся к солнцу.

Но затем, после регулирования маржинальной торговли, он осел до 4 428. А после Делфийского доклада рухнул в район 3 600 – тяжёлым камнем, сорвавшимся со скалы.

Теперь же ходили шёпоты, что дно может оказаться у отметки 2 500.

А если это случится?

Это будет катастрофа. Не образная – настоящая, социальная, экономическая, политическая.

Люди, которые поверили государству и вложили свои сбережения не в дома, а в биржу, увидят, как их жизнь уменьшается вдвое одним щелчком графика.

Власть, пообещавшая "золотой век фондового рынка", не могла позволить себе предать это обещание.

И потому они сыграли первым козырем – ввели запрет на продажу крупными акционерами, надеясь подтянуть индекс хотя бы к 3 800...

Но тут грянул Шон.

После его трансляции индекс не вырос – он провалился ещё ниже.

Шон не только точно предсказал шаг правительства – он ещё и заявил тихим, спокойным голосом: "Даже так пузырь лопнет".

Его первое предсказание уже сбылось. Страх, что остальные тоже окажутся правдой, сжал рынок ледяной рукой.

– Как он мог это угадать?..

– Была утечка! По-другому быть не может!

– Но... даже мы неделю назад ещё не знали, будем ли вводить эту меру...

– Это монтаж! Он снял это вчера, а теперь делает вид, что это было записано заранее!

– Зачем? Какой в этом смысл?

– Психологическая атака! Американцы ненавидят, когда у нас всё идёт хорошо!

Глава кризисного штаба ударил кулаком по столу – звук хлестнул по комнате как выстрел.

Его голос был хриплым от гнева:

– Этот чёртов иностранец!

Никто уже не мог позволить себе роскошь тратить силы на бессмысленные эмоции – воздух в зале был натянут, словно перегретая струна. Главная задача висела над всеми тяжёлым давлением, будто влажный туман перед грозой: поднять рынок. Во что бы то ни стало.

До конца месяца индекс Шанхая должен был вернуться в район 4 000 пунктов. Этого требовали не просто цифры – этого требовало выживание. В большом конференц-зале тихо потрескивали потолочные лампы, отдаваясь сухим эхом в хрустальной тишине, и чиновники переглядывались, чувствуя, как пот медленно скатывается под воротниками рубашек.

И вот, будто сорвав плотину, посыпались новые меры.

– Китай приостанавливает IPO! Все новые размещения заморожены!

– Ужесточение правил срочного рынка – торговля фьючерсами под давлением жёстких ограничений!

Так они выкладывали на стол новую карту за картой.

Запрет на новые IPO должен был перекрыть привычные пути бегства – чтобы никто не мог продать старые бумаги ради блестящих новинок. Пускай деньги остаются там, где власти считают нужным. Пускай цены растут хотя бы от того, что выйти из позиции нелегко. Запах перегретого металла и озона, пахнувший тревогой от включённых систем наблюдения, будто висел над этим решением.

А чтобы выбить из рук спекулянтов их любимое оружие, они ударили по индексным фьючерсам – лишая рынок естественного механизма страховки, словно выдёргивая предохранитель из винтовки. Инструменты, которыми обычно хеджировались профессионалы, теперь становились бесполезными. Они перекрывали давление на продажу, будто заколачивали доской последние окна в шатающемся доме.

Но стоило им выдохнуть, как мир снова вспыхнул известием:

– Сенсация! Прогноз Шона по китайскому рынку вновь оказался точным!

На экране улыбался Шон, чуть наклонив голову, как человек, который давно знает, чем всё закончится.

– Китай почти наверняка ограничит новые IPO. Если появятся компании-конкуренты, инвесторы побегут к ним, так что этот путь они и закроют. Это попытка сдержать ликвидность внутри старых акций, но, разумеется, проблем она не решает.

– И да, чтобы прижать коротких продавцов, они ударят по торговле индексными фьючерсами. Но это ослабит хеджирование и в долгосрочной перспективе сделает рынок более нервным и менее ликвидным.

– Опять?... – выдохнул кто-то, и бумага в руках дрогнула.

По лицам членов антикризисной группы, собранной из лучших людей Минфина, регулятора и Центробанка, быстро поползла пепельная бледность. Казалось, будто кто-то расплескал по комнате ледяной туман: каждый вздох стал тяжёлым, и даже шорох бумаги звучал громче обычного.

Они ведь закрыли все возможные дыры. Усилили секретность. Ограничили доступ. Но Шон снова знал всё.

– Это утечка! – громко бросили через стол. – Кто слил?!

Комната тут же зашумела, гул голосов перемешивался с тяжёлым, несмазанным стуком карандашей о деревянный стол. Подозрительные взгляды метались, как тени, которые мечутся по стенам при свете одиночной лампы.

Невозможно было поверить, что это простое совпадение. Предсказания слишком точны, словно кто-то шепчет ему решения до того, как они будут подписаны.

И пока они спорили, воздух становился тяжелее – индекс снова провалился. Теперь уже в район 2 900. Никаких следов того, что предпринятые меры дают хоть какой-то эффект. Только глухое, вязкое падение, будто земля уходит из-под ног.

– Если мы объявили такие резкие меры, а рынок не реагирует, люди разочаруются... – тихо сказал один из аналитиков, словно боясь потревожить хрупкий покой. – Может, сопроводим следующую политику скрытыми шагами?

– Какими?

– Пускай выглядит так, будто рынок растёт сам собой.

И вскоре новые новости ударили в эфир:

– Китай ограничивает высокочастотную торговлю! Комиссии для HFT повышены!

Для публики озвучили официальные решения, а за кулисами, пахнущими чаем, бумагой и чем-то резким от принтеров, уже раздавались тайные приказы. Госкомпании и страховые фонды должны были выкупать собственные акции. Их обязали ежедневно отчитываться о том, что они держат – и сколько покупают.

Сквозняк от кондиционера трепал документы, пока чиновники отрабатывали схему "естественного" восстановления: деньги перетекают тихо, аккуратно, создавая иллюзию, что рынок сам идёт вверх.

Но стоило им сделать первые шаги, как воздух прорезала новая новость:

– Эксклюзив! Прогноз Шона! Невидимые силы, стоящие за "естественным ростом"!

Кого-то пронзило настолько сильно, что он едва не уронил планшет.

– Снова утечка!.. Да как такое возможно?!

На этот раз ситуация стала почти мистической. Информация такого уровня знали единицы – только те, кто принимал решение в последние минуты. Никаких записей, никаких документов до последнего. Только слова, произнесённые в узком кругу.

– Не время искать врагов... – кто-то глухо прорычал, закрывая лицо ладонями. – Нам нужно новое решение...

Но стоило им начать думать, как холодная волна тревоги накатывала снова и снова, будто ледяные пальцы касались их затылков.

Будто кто-то невидимый шагнул рядом, повторяя их мысли вслух – раньше, чем они сами успевали их подумать.

Мысль, от которой чиновники пытались отмахнуться, настойчиво царапала изнутри, как мышшь в стене: "А что, если Шон предскажет и это?" Звучало абсурдно, нелепо. Разум шептал, что подобное невозможно. Никто не мог так точно угадывать шаги государства без источника изнутри. Значит, где-то есть шпион, утечка, предатель.

И всё же... под кожей тихо жило другое чувство. Тёмное, липкое, упрямое. Будто сам воздух, насыщенный запахом перегретой техники и старой бумаги, намекал: "А вдруг он действительно всё видел заранее?"

Стоило им начать обдумывать новые меры, как сомнение всплывало снова, едва заметно, словно едкий привкус горечи на языке.

– Может, придумать что-то, чего он не сможет предугадать?..

Но сама эта мысль уже была ошибкой. По позвоночнику пробежал холодок: гоняться за призраком Шона означало забыть главное – рынок нужно поднимать, причём срочно. Любая задержка грозила провалом, а провал – это не просто цифры на экране, а ярость миллионов людей, вложивших деньги по призыву государства. Они не могли позволить себе роскошь терять нервы. Американцам только того и надо – чтобы Китай дрогнул.

А у меня всё шло куда мягче, чем ожидал.

Прогноз за прогнозом – словно аккуратно расставленные домино – падали один за другим, подтверждаясь в реальности. Рынок, казалось, окутало какое-то нереальное, ледяное предчувствие – будто тысячи людей одновременно услышали далёкий раскат грома, ещё прежде чем небо потемнело.

Конечно, они боятся.

Китай делал всё то же самое, что и в моей прошлой жизни. Те же цели, те же исполнители, те же страхи. А когда люди, движимые одинаковой логикой, сталкиваются с одинаковой проблемой, они идут по одной и той же тропе – скрипящей под ногами, с тем же запахом сырой земли и тем же ветром, что однажды уже ударил в лицо.

Разница могла быть лишь в том, с какой скоростью они делают шаги, да насколько твердо ставят ногу. Но направление – неизбежно то же.

И теперь мне помогал один незаметный союзник – телеканал. Нити судьбы, которые тянул, они аккуратно маскировали.

– Они ведь не станут ради рейтингов показывать мои промахи.

Для зрителей сейчас выглядел почти провидцем, человеком, который, не моргнув, предсказывает судьбу рынка. Но в действительности канал просто отбирал те мои версии, которые совпадали с реальными действиями Китая. Я дал им десятки сценариев – они показывали лишь те, которые сбывались. Обычный фокус света: публика видит только то, что освещено.

Тем временем моя репутация росла как на дрожжах.

На форумах гремело:

– Если Делфи сказал – я вхожу по полной. Я вхожу – Китай вводит новые правила. Китай вводит правила – Делфи снова оказывается прав... Бесконечный цикл.

– Китай: "Сегодня мы объявим..." WSB: "Да вы опоздали, святой Шон ещё месяц назад поведал."

– Профессия божественного уровня: Шон – 100% пророчества, 100% точность.

– А может, он из будущего?

– Если бы он был из будущего, он бы не раздавал бесплатно советы, а вкладывался бы в Теслу и Нвидию, а не спасал народ от Китая.

Непроизвольно усмехнулся, скролля вниз по комментариям. Их бодрая наивность отдавалась смешком где-то под сердцем.

– Типичные розничные инвесторы.

Кажется, уже говорил: мелкие игроки и Уолл-стрит различаются не тем, сколько у них денег. Они по-разному "пьют сок" из рынка. Ритейл сосёт одну ягоду, радостно, если та дала пару капель сока. Уолл-стрит же выращивает целые сады, превращая каждую удачу в серию продуктов, отчётов, стратегий – и только потом снимает сливки.

Так было бы и с Сибирью – настоящие деньги приносили не участки, а отчёты, что рождались вокруг них. И как раз сейчас делал то же самое.

Делфи-отчёт – лишь ступенька. Красивая, яркая, шумная, но всё же не цель. Мой настоящий выигрыш был впереди.

Но уже сейчас отчёт набирал силу, как река после дождей. Его "пророчества" овладевали умами, превращая обычные слова в нечто похожее на заклинания. Люди начинали ждать следующего выпуска с тем же напряжением, с каким кто-то ждёт свиста локомотива в ночи или первого удара грома в летней грозе.

И это было только начало.

Сначала люди лишь переглядывались, недоверчиво морща лбы. Ну кому придёт в голову поверить, что участок земли где-нибудь в Сибири вдруг прыгнет в цене с каких-то трёх миллионов до пятидесяти? Смешно же. Пахнет откровенным бредом, будто жареным пластиком на старом рынке.

Но вот прошла неделя – и воздух наполнился сухим треском новостных сводок.

- Запрет на IPO! Китай замораживает новые листинги ради стабилизации рынка.
- Фьючерсы блокируются! Китай прижимает спекулянтов к полу...

И когда условная земля всё-таки подросла до пяти миллионов, будто её обрызгали бензином и подожгли, – мир вздрогнул.

– Удар по высокочастотникам! Китай вводит бешеные комиссии за алгоритмическую торговлю.

- Полная мобилизация! Государственным компаниям приказано скупать акции?

А когда цена перевалила за десять миллионов, сомнения рассыпались, как сухие листья под сапогами.

Теперь вокруг меня собиралась вполне внушительная группа людей, относившихся к моим предупреждениям так, будто шептал им законы мироздания.

- Ладонь Шона: Греция, Малайзия, Китай – в процессе.

– Что может Китай: остановить пророчество Шона, остановить WSB, следовать пророчеству – нет.

– О великий Шон, ниспосли нам новое предсказание, порази сердце Китая и спаси нас, жалких муравьёв...

– Покидаю Китай. Причина: финансовые трудности – нет, проблемы с работой – нет, вера в пророчество Шона.

- Добро пожаловать в ряды победителей! Для входа – предъявить доказательство шорта!

На WSB даже самопровозглашённые китайские инвесторы начали выскакивать, как грибы после дождя.

Конечно, часть этого была простыми мемами, шумом, субъективным смешком толпы. Но достоверные данные пахли совсем иначе – холодно, металлически, как воздух в серверной.

"Объём торгов обратными ETF вырос на 70%, отношение put/call по CSI 300 подпрыгнуло до 1,9. Кроме того, короткие позиции увеличились в 4-5 раз, достигнув 20%, объём займов ценных бумаг вырос более чем в пять раз, а объём сделок TRS – в шесть..."

Инвесторы уже не просто покидали китайский рынок – они превращались в тяжёлые гири, намеренно тянувшие его вниз.

Сначала люди осторожно выводили средства, прислушивались к ветру. Теперь же всё больше тех, кто ставил прямо на падение, чувствуя сладкий привкус адреналина на языке.

И это были не только частники.

Крупные шорты и TRS – это работа хедж-фондов. Тех самых хищников, что ходят по финансовым тропам без звука, но со стальными зубами.

Иными словами?

Стадо частных спекулянтов и настоящие финансовые гиены уже топтали китайский пузырь, как мягкую кожуру спелой хурмы.

Но.

Китай – не тот противник, который падает от п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.